

Амрита Альгома

Простая История

роман

том 2

18+

Амрита Альгома

Простая История. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39139944

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09845-9

Аннотация

В мире Джефа существует только ответственность. Там нет радости или веселья, нет спокойствия и любви – есть только ДОЛГ. Но ему встречается Николь, которой угрожает смерть. И вся полнота выполненного долга не может ее спасти. Лишь любовь и доверие. Нужно только поверить...

Загнав машину в гараж и снимая на ходу куртку, он хотел было подняться наверх, но его внимание привлекли белые хлопья на полу в библиотеке. Завернул туда. Постоял несколько мгновений, сворачивая куртку и наклонив голову на бок: разглядывал раскиданные листы. Сколько же времени она здесь провела? И когда? Когда он заезжал домой утром, двери в библиотеку были закрыты. Джеф помнил это, потому, что сразу отправился в сад – нужно было загрузить тело движением. Вчерашние игрушки с Николь и шквал с дождём посреди ночи качественно взвинтили сознание. Спать не хотелось, думать тоже. Но Джеф, решивший просто измотать себя физически, столкнулся с объективной реальностью – полуприседы были для него сегодня явно тяжеловаты. Пришлось порыться в мозгах в поисках новых цепочек движений, более подходящих к самочувствию. Поняв, что дело идёт плохо, он заставил себя выдержать стандартный час. Торопливо побрившись и не завтракая, чтобы не развезло, покатыл в центр – сегодня с утра он встречался с Томом. После офиса Тома утренняя месса была самое то, чтоб уравновесить сердце и мозги.

Неужели она опять не в школе? Джеф быстро вышел из библиотеки посмотреть на вешалку в холле.

Пальто Николь висело между его пальто и её ветровкой,

которая давно перекочевала жить сюда.

– Ники! – Окликнул он.

Ему ответило молчание. Из кухни она бы его услышала. Он бегом взлетел наверх, хотя быстро двигаться было не сладко.

Заглянул в спальню. Николь спала, свернувшись калачиком и прижав скрещённые руки к груди. Джефа всё время беспокоила её поза, когда он видел её спящей. Он наклонился над ней, разглядывая бледное лицо, синеватые тени от ресниц и приоткрытые губы. Почему у Николь всегда грустное выражение лица, когда она спит? Поставил параллельно руки над её головой и медленно начал спрессовывать ими воздух, отсчитывая про себя секунды. Потом так же медленно, стараясь попадать в ритм её дыхания, провёл вперед-назад руками вдоль её тела, не дотрагиваясь до неё.

Минут пятнадцать упорной работы – и Николь расслабилась. Джефу стало жарко. Кисти рук потяжелели, заломило спину. Приглушённая прошедшим дежурством боль после вчерашнего испытания отошла на второй план.

Работая, он приглядывался к Николь. Она не просыпалась, но прижатые к груди руки опали на постель. Наконец она повернулась на спину, выпрямляясь и Джеф остановился. Маловато по времени, но для профилактики гриппа достаточно. Легко дотронулся до её плеч, провёл по рукам, ощущая пальцами гладкость школьной блузки. Тихо отшагнул за пледом. Накрыл её медленно, боясь разбудить и люблю-

ьясь сомкнутыми ресницами. Она вызывала в нём умиление: лежит себе, спит, такая тёплая, доверчивая, нежная.

Снова спустился вниз: кофе, которым пичкал его Том, уже весь выветрился. Джеф хотел было поставить чайник и сделать пару бутербродов, но вспомнил о библиотеке. Пошёл собирать листы. Надо кстати купить ей бумагу – вон сколько она её изводит. Или ещё что, нужное ей для рисования. Лучше спросить, пожалуй: Ники, ясное дело, в этом разбирается больше чем он.

В библиотеке переполненная корзинка для мусора щедро делилась своим содержимым. Джеф хотел было собрать всё это, но задумался: жизнь полна неожиданностей. Вот сегодня после работы оказался офис Тома. Том сам позвонил и пригласил Джефа к себе, видимо решив побеседовать вдали от ушей и Марины, и Николь. Джеф, без задержки проведённый секретаршей сразу в кабинет Тома, с интересом разглядывал "святая святых" программного магната.

В кабинете Тома было просторно от стеклянных стен. Окна от пола до потолка. Тяжёлые, не пропускающие свет занавеси, сдвинуты в углы: наверное, на случай, если надоест подобная открытость. На широком столе два портрета в тёмных тонких рамочках. Один – Марина и Ники, вполне современный, Ники тут, наверное, лет пятнадцать – шестнадцать. В летних шляпах, обе смеющиеся, стоят обнявшись. А другой, тревожащий, с неуловимо, до боли, знакомым лицом: светловолосая женщина, совершенно незнакомая. Что-то в

этом лице так нервировало Джефа, что ему стало нехорошо.

Он, незаметно для себя, маленькими шагами обходил стол, что бы яснее рассмотреть это лицо. Том, перехватив взгляд Джефа, сказал:

– Это Алина, моя первая жена. Мать Ники.

И Джеф понял – на него смотрела Марина. Это было её лицо, выражение только было другим и волосы были светлыми.

– У неё прекрасная улыбка, – выдавил он, оглушённый.

– Да, – легко согласился Том. – У них с Мариной было довольно мало общего, и вместе с тем они похожи. Элен всегда была сорванцом, в этом Ники вся в неё. Марина спокойнее.

– Я знаю, что Марина не родная мать Николь, – сказал Джеф.

– Откуда?

Джеф пожал плечами. Не скажешь же отцу: сразу чувствуется, едва приходит понимание, что Марина спокойно позволяет Николь принимать его ухаживания. Значит, спокойно отнесётся и к такой разнице в возрасте, и к их близости. Он вспышкой воспоминания отметил свою бешеную ревность, когда Лора влюбилась. Не своё – не жалко? Только никак не оформлялись в мозгу предположения, пока Николь сама не сказала ему этого.

– Так казалось, – неопределённо выразил он, поскольку Том явно ждал ответа, и тут же возник и ответ: – И Николь сказала мне: "теперь Марина – моя мать, я её очень люблю".

Том смерил его взглядом, что-то перекладывая на столе. Бросил это занятие, увидев, что Джеф наблюдает за ним. Задумчиво помолчал, качаясь с носков на каблуки. И неожиданно продолжил совсем с другой темы:

– Я скажу предельно откровенно, – он взглянул на Джефа, чтобы удостовериться что его внимание здесь. – Очень удивлён той симпатией, которую испытывает к тебе Ники. Не могу сказать, что удивлён приятно.

– Понимаю, – кивнул Джеф.

Сколько они ещё будут полоскать ему мозги? И Том, и Марина.

– Мне почему-то думается, что Ники скоро остынет и поэтому меня, собственно, вся эта игра мало тревожит. Но вот симпатии моей жены меня беспокоят сильнее.

"Та-ак" – подумал Джеф. – "Он что, собрался на меня навесить воображаемую вину?" Но Том продолжал, неотрывно глядя на него:

– Ты в её лице нашёл себе отличного адвоката. На каждый твой поступок она даёт превосходное, очень продуманное объяснение.

Джеф недоумённо пожал плечами. Долетели, называется. Он-то здесь при чём? Он не подсказывал Марине аргументы. Приятно.

– Что побудило тебя оставить Ники в "башне", затем ночью привезти её домой?

– Ответственность. Я вёл её самолёт, фактически она бы-

ла моей пассажиркой. Я нёс за неё личную ответственность. В случае неудачи я мог потерять не меньше, чем вы. Ответственность, однажды возложенная на плечи, сопровождает тебя всю жизнь.

Том покивал, соглашаясь. Естественно, как не согласиться, если получаешь на свой вопрос предполагаемый ответ. Он ничего не мог поделать со своей симпатией к Джефу. И неожиданно сменил тему:

– Сколько тебе лет?

– Тридцать семь, – проинформировал Джеф, не вдаваясь в подробности: вряд ли Тому интересно знать, что осталось ещё семь суток, шестнадцать часов сорок четыре минуты до исполнения времени рождения, а о секундах и вспоминать не стоит.

– Немало, – сверля глазами его, сообщил Том. – Садись.

– Благодарю. – Джеф привычно оседлал стул, тут же спохватился: он же не дома. Но сидеть так было удобнее и пересяживаться он не стал.

Они помолчали. Секретарь принесла им кофе, что было весьма кстати. Не хватало только здесь начать клевать носом.

– Почему Ники? – Спросил, наконец, Том.

Джеф помолчал.

– Я люблю её, – наконец выложил он итог своих двухдневных размышлений.

Вот идиот. Он Ники-то этого не говорил толком, а её отцу уже объясняется.

– Охотно верю, – кивнул Том. Вздохнул. – Но Ники слишком молода. Фактически она ещё ребёнок.

Ребёнок! Джеф с трудом сдержал усмешку. Бедняги родители – интересно, они все пребывают среди иллюзий? Его предки – точно: бабушка называла Майка малышом в тридцать лет. Том, видимо, тоже. Николь и весной-то психологически была явно старше, чем её отец мог себе вообразить, а сейчас – тем более. Думается, не стоит озвучивать это Тому.

– Понимаю ваше беспокойство. – Медленно произнёс Джеф. – Уверяю вас, я ничего плохого ей не сделаю.

– Не будем развивать дискуссию о различиях в трактовке наших понятий что хорошо и что плохо. Полагаю, их найдется немало.

– Согласен. Я должен яснее выразиться?

– Да и так уж всё яснее ясного, – снова вздохнул Том и эти его вздохи были просто комичны.

Он что, таким образом пытается посетовать на жизнь?, гадал Джеф. Может, это стиль общения такой?

Том нахмурился, словно напрямую из мозга считывал Джефовы язвительности. Уронил:

– Меня интересуют ваши дальнейшие планы.

"Ваши"? Это как? Совместно с Николь? Или только его? Джеф выложил, не задумываясь:

– Я хотел бы жениться на Николь и был бы очень рад вашему согласию.

– Согласие Ники тебя не интересует?

– Оно у меня есть.

Том окинул его взглядом, в котором сквозило удовлетворение, смешанное с досадой. Напоследок всё-таки проинформировал:

– Мне не хотелось бы применять какие-то специфические меры.

Джеф, не поморщившись, проглотил такую неприкрытую угрозу, а что ещё оставалось делать? И откланялся. После всех этих встрясок хотелось просто лечь тут же, где в уголке, хоть в лифте, и спать.

Было даже приятно, что они так выяснили отношения с Томом, теперь, во всяком случае, нет недоговорённостей. Всё ясно.

Офис Тома, как ему казалось, позволял ему чуть лучше понять эту жизнь. Он после Эммы питал стойкое отвращение к деятельности, связанной с разработкой любых видеосюжетов на компьютере. Было даже что-то символичное в том, что и он, и Николь – оба оказались своего рода жертвами компьютерных технологий. Насколько губительно сказалось это на жизни Джефа, знал только он, а сколько принесло это зла Николь он уже увидел. Смешно было бы винить в этом прогресс человеческой мысли и глупые машины, умеющие только определять заполнена ли ячейка памяти: у Джефа было полсотни примеров, когда компьютер спасал ему жизнь. Но люди, используя свои инструменты, переделывают мир иногда совсем в другую сторону. Интересно,

насколько работа Тома согласуется в его собственной голове с христианством? Это был вопрос, который, наверное, задать Тому стоило, но Джеф не чувствовал себя вправе сделать это.

Разговор с Мариной после столь продуктивной беседы оказался просто завершением подачи. Приехав на мессу Джеф сел на переднем ряду, там, где не давила колени спинка стоящей перед ним скамьи. Сейчас ему в тесноте лучше не сидеть: тянущее неудобство ещё не выветрилось. Марина появилась только когда поплыли первые звуки псалма. Джеф, испытывая неудовольствие из-за собственной сегодняшней рассеянности оглянулся на лёгкий шорох и увидел, как она, смущённо улыбаясь, тихонько подбиралась к нему со стороны бокового нефа.

– Я опоздала, – прошептала она, словно он этого не заметил.

И всё равно, он был рад ей. Это воспринималось приветом от Николь. Он улыбнулся. Сейчас, здесь, с Мариной, ему вдруг стало странным образом уютнее. Он ощущал её рядом и от этого было теплее на сердце. Значит, она постоянно ходит сюда утром, вот почему Николь не боится встретить её здесь вечером. Он видел её здесь только однажды среди недели, но его собственные появления в храме ещё трудно назвать постоянными. Кроме воскресных, пожалуй. Какие бы мысли не мучили его, всё же после мессы он почувствовал успокоение. Было такое ощущение, что всё, что творится во-

круг в этом отрезке времени, всё, что происходит в его жизни и в жизни Николь и должно происходить.

Почему-то стало стыдно из-за того, что он вёл себя похамски с Мариной после пьянки Николь. Сейчас этот день вспоминался легче – боль выветривалась потихоньку.

– Хочу извиниться, – сообщил он.

И сразу ощутил: не хочется объяснять за что.

Марина мгновенно поняла о чём это он, отрицательно качнула головой.

– Не стоит. Это я напрасно... – Сказала она, поёживаясь.

– Не надо, – остановил он её.

Но она закончила, одновременно и принимая, и отменяя его великодушие:

– Напрасно. Я понимаю, что вы здесь ни при чём. Ники обычно сама устраивает себе встряски.

И она вздохнула тихонько. Похожи они всё же с Томом, вон – вздыхают одинаково.

– Как Николь? – Поинтересовался он.

– Хорошо. Думаю, она сейчас завтракает.

И хотя он испытывал облегчение после общения с Томом и Мариной, поднятию настроения это не способствовало. Ладно. Раз недоговорённостей сейчас нет, значит можно временно выбросить Тома из головы.

С избытком насыпанные бумажные обрывки снежными пластами покрывали пол за столом и вокруг корзины, словно Николь, брала листы со стола, рвала и бросала в корзину не

глядя. Явно думала о чём-то. Джеф поднял несколько кусков побольше, разглядывая. Часть лица. Что-то неуловимо знакомое. Он угадывал, не понимая, кто же это. Тасовал разорванные листы, пытаясь сложить воедино хоть один рисунок.

Выходило, что лицо похоже на Майково.

Неужели этот прохвост подловил и Николь? Тёмная волна злости постепенно словно приподнимала его в высь. Когда Эмма сказала ему, что его дядя гораздо эффектнее его и, наверное, лучше в постели, Джеф сначала не обратил на это внимания, решив: это она в запальчивости их ссор просто хочет ему досадить. Потом, когда ему предоставилась возможность проверить её слова, сначала было всё равно: подстроено ли это, обманут он один или они с Майком оба. Позже он просто прервал все отношения, не в силах выдержать напор подлости с двух сторон. Для него тогда это был единственный способ остаться жить и не сползти в инвалидность.

Позже, наблюдая, он пришёл к выводу, что Майк чувствует вину перед ним. Нельзя сказать, чтобы это было неприятно: поделом старому ловеласу. Но и радостным подобное открытие тоже назвать было трудно. Он попытался оправдать Майка в своих глазах. Вспоминался смех Эммы, доносящийся из-за приоткрытой двери, её насмешки над пьяным Майком. Это, кстати, и навело его на мысль, что всё было подстроено. Но и понимая всю логику таких оправданий, Джеф не мог отделаться от осознания отчуждённости. Трещина постепенно спряталась за эти годы, но не зарастала. Он набрал

знакомый номер выбитый в мозгу последнее десятилетие. Едва услышав, что на той стороне провода поднял трубку Майк, Джеф, немедля, спросил, сам недовольный холодом своего голоса:

– Какого чёрта крутишься у моего дома?

– Да вот, смотрю, не продал ли ты его? – Майк словно подавился, но ответил бодренько.

– Тебя это волнует? – Поинтересовался так же прохладно Джеф.

– А как же, фамильное гнездо всё-таки, – попытался пошутить, не обижаясь, Майк.

– Оставь меня в покое, – сердито и чётко сказал Джеф. Брякнул рубку на рычаг, чувствуя себя и тинэйджером, свободу которого неожиданно стесняют и прокурором одновременно.

Майк, видно, никогда не избавится от привычки присматривать за ним. Не понятно только, почему он это делает: выполняет наказы умерших или просьбы живых? Джефу хватало еженедельных звонков Лоры, которая, если у неё было хорошее настроение начинала разговор с коронной фразы: "Что ты делаешь?" И потом час болтала о том, как ей живётся там, вдали. Рассказы её, правда, были весьма красочны и интересны. При её плохом настроении всё оказывалось гораздо хуже. Тогда она роняла: "Что нового? Рассказывай," и из неё нельзя было вытянуть ни слова. Джеф всегда на такой случай имел в голове список дел, которыми её можно было

успокоить. Он педантично описывал свой день, уточняя всё по пунктам: встал тогда-то, одеяло сложил в три раза и убрал туда, воду в ванне включил во столько, на завтрак пожарил яйцо и двести сорок шесть замороженных горошин. Когда он начинал вдаваться в такие подробности Лора быстро понимала, что лимит его терпения исчерпан и отключалась.

Майк явно его подтолкнул в сторону жалости к себе. Джеф, ритмично постучав пальцами по телефону, махнул рукой на бутерброды. Снова торопливо взбежал наверх и лёг, уткнувшись носом в мягкие пряди волос Николь.

Она тихо посапывала, такая уютно-спокойная сегодня во сне, с чуть нахмуренными бровями. Джеф без удовольствия приподнялся на локте, поставил будильник, чтобы не пропустить, когда нужно будет её отвезти. Шевелиться было ещё трудновато. Рядом с ней воспоминания о их вчерашних развлеченьях опять выбирались на первый план. Снова лёг, рассматривая голубоватые тени от ресниц под её глазами и слушая, как она дышит. Потом осторожно обнял её, нежно прижимая к себе. Николь немного повозилась во сне, устраиваясь поудобнее. Он лежал, счастливый, ощущая её лёгкие толчки, насмешливо припоминая разные сказки о монстрах, крадущих солнце. И незаметно уснул, спокойно, чувствуя сквозь сон присутствие Николь рядом и нити боли, прошивающие тело.

Из сна его вырвал звонок.

Николь рядом не было. Джеф, взглянув на будильник, ку-

барем скатился по лестнице: неужели уехала сама, не разбудив его? Николь сидела у рояля, нажимая клавиши, под ногами у стула притулились лейка и распылитель.

Оглянулась с удивлением на его топот.

– Думал, ты уже ушла, – присаживаясь рядом, пояснил он.

Николь молча покачала головой. Джеф угадал мелодию, которую она подбирала, поправил немного, думая, что нужно забраться в душ – сразу станет легче.

Николь засмеялась, рассматривая его исправления.

– Пойдём завтракать? – Предложила она.

Гулкий удар часов прокатился по дому, напоминая о быстротечности времени.

– Пойдём, – уныло согласился Джеф.

На кухне его ждал сюрприз – Николь приготовила обед.

– Ну, что ты кислый совсем? – Пыталась растормошить его она. – Я позвонила маме и сказала, что я обедаю у тебя. У папы сегодня встреча, он всё равно раньше девяти не освободится. А раз мама в курсе – всё в порядке.

Но развеселиться у Джефа всё равно не получилось, хоть он и старался: мерзкое самочувствие ещё больше отравила мысль о том, что нравится ему это или нет, но за оставшуюся неделю придётся выбрать время и вычистить бассейн.

Короткий стук напомнил о времени и Марина, не успев ответить, услышала, как Том сам открыл дверь. Она оглянулась.

– Там прибыл мистер Коган. Он привёз мисс Николь, – сообщила Дженнифер, почему-то глядя мимо Тома на Марину.

– Спасибо Дженни, сейчас мы идём, – улыбнулась ей Марина из-за спины Тома. Закрыла окно, в котором пыталась работать.

– Не забудь сохраниться, – бросил Том не дожидаясь её и выходя из кабинета.

Марина заторопилась: как бы не брякнул там чего. Кажется, у неё уже вошло в привычку опасаться его поступков. Подходя из кабинета по коридору к гостиной, она приостановилась, услышав нечто интересное. Осторожно заглянула в открытую дверь – Джеф и Ники сидели рядом на диване у камина и слушали рассказ Тома о детском пристрастии Николь к собиранию марок, потом открыток с артистами, потом наклеек по теме от "жвачки", потом ещё чего-то.

Николь была явно недовольна этими рассказами, но Джеф слушал с интересом, а затем и сам рассказал, как он устроил однажды выставку коллекций своих друзей в гостиной. Родителям это очень не понравилось, поскольку они ждали гостей, а некоторые экспонаты были не слишком эстетичны на вид. Например, скелеты дохлых кошек в коробках из-под обуви: по счастью у гордого обладателя их было всего пять штук, не то что некоторые собрания.

– Что может быть хуже скелетов? – Поинтересовалась, слегка улыбнувшись, Николь.

– Поверь, кое-что может, – подтвердил Том. – Помнится, я сам в школьные годы собирал использованные резинки, полагая, причём искренне, что это интересное занятие.

– Какие резинки? – Заинтересовалась Николь.

– Такие. – Выразительно объяснил Том.

Николь подняла брови, видимо не найдя, что сказать в ответ на подобное признание. Джеф принял это стоически, но почесал кончик правой брови, явно чтобы скрыть усмешку. Сегодня он впервые рассказывал что-то шутливое о себе. Марина слушала его с любопытством: оказывается, он ещё и шутить умеет. Высказывание Тома её несколько задело – видимо, её опасения всё же не напрасны. Хотя Марина была ему даже благодарна: он не кинулся выяснять, где Ники была после школы почти шесть часов. Том, бросил расхаживать по комнате и привычно развалился в кресле напротив дивана. Он явно волновался. Что с ним? И эти полуанекдотичные истории о Николь?.. Что это – демонстрация: я её больше знаю или утверждение своих прав: она ещё совсем малышка?

"Том не в своей тарелке" – подумала Марина, поторопившись войти и подавая встающему Джефу руку. Том тоже поднялся, прошёл к бару, позвякал чем-то. Но наливать ничего не стал – вернулся назад, в кресло.

– Здравствуйте, миссис Гордон, – сказал Джеф, привычно склоняясь к её руке.

– Здравствуйте, Джеф, – сказала она и тут же добавила,

улыбаясь: – Садитесь пожалуйста.

Незаметно поглядывая на Николь, она пыталась отыскать свидетельства своих подозрений. Так, так. Что-то новенькое. Какая-то она сегодня раскрепощённая. Пожалуй, это хорошо, хотя и несколько странно. И не намёка на сегодняшнее утреннее бегство и прогул: Николь прямо иллюстрация неведения. Вот немного передвинулась по дивану. Марина отошла в сторону и устроилась в другом кресле между ними и Томом, наблюдая. Всё правильно.

Джеф сел снова и оказался почти вплотную к Ники. Явно смущён, но не ползать же ему по сиденью. Напрягся немного. Но сидит на месте. Николь рада, наверное, чувствует ногой тепло его бедра. Интересно, насколько правдивы пошлые предположения Тома? Ах, Ники, Ники! Детка! Куда ты спешишь? Подумав о быстротечности времени, Марина вспомнила, что второго ноября она сможет повидаться с родителями. И сразу возникла идея.

– Как вы собираетесь праздновать день Благодарения? – Спросила Марина у Джефа и, тут же, не давая ему ответить, а себе опомниться, предложила:

– Может быть, ещё есть время скорректировать ваши планы, чтобы погостить в это время здесь, у нас? – Она заметила, как муж покосился на неё, но ничего не сказал. Поддержит? Нет?

Всё равно получилось удачно: Николь точно довольна. Джефу не пришлось придумывать что-то или объяснять, что

у него, собственно ещё нет планов, но есть ожидания. Ники не пришлось говорить, что она в этот день тоже удрала бы к Джефу. И неважно, что до Дня Благодарения почти две недели. А может быть, они уже договорились обо всём между собой? На сколько высоко у них доверие друг к другу?

Сейчас проверим их планы, посмотрим, попробует ли Джеф увильнуть. Марина почувствовала щекотку где-то на затылке от предвкушения решения задачи.

– Да, было бы замечательно, – без эмоций уронил Том.

Отлично, он не против! Марина даже не ожидала, что он так легко согласится. Это оказалось приятной неожиданностью. Она смотрела на Джефа, ожидая ответа.

– Большое спасибо, очень признателен вам за приглашение. У меня дежурство вечером накануне.

Надо же. Он что, помнит своё расписание на месяц вперёд?

– Вот и отлично. – Удовлетворенно улыбнулась Марина. – После дежурства и приезжайте. Хоть в неурочное время.

Он даже не пытался. Значит, всё весьма серьёзно. Похоже, Том опоздал со своими ожиданиями, что у Николь это перегорит. Насколько знала Марина свою Ники, здесь можно и не надеяться на перемену мнения. Николь, конечно, может изменить своё мнение с возрастом, но с её взглядами на жизнь, это может случиться не ранее чем после преодоления серьёзного возрастного кризиса, лет этак через двадцать – двадцать пять. Она взглянула на дочь. Та напряжённо ждала.

– Так вы согласны? – Уточнила Марина для порядка, чтобы удостовериться.

– Да, с удовольствием.

Ну вот, заулыбалась. А Джеф-то, Джеф! Что ж, признаем – Николь ему действительно не безразлична. Он тоже изменился, отметила Марина сама себе. Или она просто немного лучше его узнала? Почему же тогда никак не отделаться от ощущения, что Джеф стал относиться к Ники чуть иначе? Или это влечение плоти? Надо будет присмотреться...

Вечер прошёл мирно, Джеф был молчалив, Том вздыхал, явно страдая, что не может оттащить тарелку к компьютеру – так показалось Марине. Николь была какая-то сонная. Марина и сама чувствовала себя не в состоянии поддерживать оживлённую беседу в предвкушении скорого поминовения усопших.

Джеф вскоре после ужина откланялся и Том не стал его удерживать, весь в горячке от новой идеи. Едва сделав над собой усилие быть любезным хозяином, когда провожал Джефа, он тут же закрылся в кабинете. Николь мгновенно сбежала к себе, и Марина осталась одна со своими размышлениями.

Джеф нравился ей. Нравилась его надёжность, его серьёзность, его ответственность. Рядом с ним было спокойно. Марина прекрасно понимала, что привлекает к нему её нервную Ники: вот это незыблемое спокойствие, которого не хватало Тому, и, видимо ей самой. Вместе с тем Джефа нельзя

было назвать медлительным или заторможенным. Похоже, с его реакциями всё в порядке.

Том как-то сказал ей, что диспетчер в принципе патологичен только в одном: его чувство ответственности поглощает в нём все остальные его человеческие качества. Марина не видела в этом ничего плохого. И с холодным внешне человеком можно быть счастливой. Чувство долга, развитое и отточенное до совершенства, часто оказывается хорошим подспорьем в семейной жизни.

Если Джеф воспринимает Ники как объект заботы, он для неё действительно не опасен. А это так и есть, судя по его поведению. Странно, что Том недоволен встречами Ники с Джефом: ведь он сам объяснял ей все психологические аспекты особенностей становления характера диспетчера. Его не устраивает предпочтение Николь Джефа ему, так что ли? Или у него есть какие-то другие мысли?

И странно, что Ники ведёт себя с Джефом так свободно. Словно он позволяет ей делать всё, что угодно. Что может прийти в голову её Ники, Марина и представить себе не могла. Поэтому ей рисовались самые грязные предположения, может быть в силу её естественного скептицизма.

Но Ники-то не воспринимает Джефа как просто человека. Она вся наполнена им. Видит только его, говорит только о нём, и начисто отменяет всё, что хоть чуть не касается Джефа. Школу она терпит только потому, кажется, что после неё можно сбежать к Джефу, или как причину для встреч: на-

до написать задание, надо найти информацию. Марина была уверена, что в этом она права.

Последнее время она жила под гнётом постоянного беспокойства о Ники: что она делает у Джефа, когда она вернётся домой, какая ещё мысль придёт ей в голову? Но удивительно: недовольная поведением Джефа, одновременно она в какой-то степени испытывала стыд перед ним за поведение Ники. Нельзя вести себя так нахально с чужим человеком. Ей представлялось, что Джеф видит, насколько своевольна Николь и осуждает методы её воспитания. Хотя у Марины создавалось впечатление, что Джеф сознательно потворствует всем идеям Николь, которые только могут возникнуть.

Как-то не слишком давно, в воскресенье, месяца два назад, Марина встретила в приходе приятельницу, которая жила прежде неподалеку от родителей. Она не узнала Ники, которую не видела больше полугода: изумлённо сказала Марине, воззрившись на Николь, которая сидела, закинув ногу на ногу и, глядя на алтарь, закалывала в этот момент волосы длинной шпилькой:

– Это – Ники!?! Кто бы мог подумать! Как выросла!, совсем взрослая девушка! И как свободно держится! – Но сказано это было так, словно она произносила: "вам не кажется, что ваша дочь несколько развязна"? – Марина тогда просто зверски обозлилась, может из-за того, что ей захотелось провалиться в церковный подвал.

– Марина!

– Да? – Она повернулась к мужу. Надо же, она так задумалась, что не слышала ни как он вошёл, ни как он её окликнул? – Пойдём, я тебе что-то покажу.

Так, ясно. Тому необходим зритель. Или критик. Это прояснится по мере изложения идеи. Ох уж все эти его идеи! Значит, она оформилась, получила статус, название почти, и вид. Тоже почти. Ладно, посмотрим. Иногда голова у её мужа варила неплохо, и весьма, Марина это признавала. Это был как раз такой случай, и она смогла с чистой совестью сказать, что ей нравится эта задумка, хоть и не очень-то видела выгоды её применения. Мимоходом, воспламенённый её похвалой, Том поинтересовался, что так бледна Ники и как она спит. Это снова вогнало Марину в тяжёлые раздумья. Освободившись наконец от почётных обязанностей первого посвящённого, она поднялась к Николь.

В её комнате было темно и тихо. Марина постояла у двери, послушав эту тишину и подумала, что с появлением Джефа в их жизни изменилось всё. Наверное, это будет первый день Поминовения усопших у Марины без Ники – вряд ли сейчас она отправится к бабушке.

Том, как только Джеф избавил их от своего присутствия, отправился в кабинет: хотелось подумать. У него было такое ощущение, что Джеф к ним переселился: почти каждый вечер он тут. Посещение Джефом его офиса помогло только утвердиться в его намерениях. Как Том и подозревал.

Он предложил Джефу поговорить его в офисе: не хотелось, чтобы Марина присутствовала при этой встрече. Она и так неровно дышит к этому мужику. Ещё и Ники вечно позволяет делать всё, что той только в голову придёт. Хотя Тому было неприятно признаться себе в этом, но подозревать Марину в зарабатывании дешёвого авторитета у Ники по меньшей мере смешно. Из-за Джефа пришлось затемно отправиться на работу: хотелось побеседовать с ним побыстрее, а побыстрее было только после его дежурства. Потом встрянет Ники и не отцепится от Джефа, а попробуй при ней с ним поговори. Тоже истерить начнёт.

Он вызвал за два часа до рабочего дня Анжелу – не самому же себе кофе варить такую рань. Сел в офисе, глотая кофе и подумал, что Марта уж точно делает его лучше. Сейчас спать и спать – так нет. Вот Ники, маленькая бестия: одни неудобства по её милости. Джеф пришёл точно в половине шестого, как и договаривались. Кто бы сомневался? Явно усталый. Потягивал кофе с таким видом, словно не мог понять, что пьёт: посматривал в кружку, потом на Тома. Размышляет о чём-то? На вопросы отвечал не торопясь, но сидел как-то скованно. Потом, отставив пустую кружку, уставился на Тома и начал сверлить его глазами, почти не моргая.

Том подпёр щёки руками, задумчиво глядя на Джефа и думая – что ему делать с этим чокнутым? Как будто ему мало Ники, ещё этот свалился на его голову. И Марина туда же

– всё подталкивает да подсуживает. У Тома было стойкое ощущение, что его со всех сторон загнали в угол.

Так и хотелось сказать: слушай, мужик, неужели тебе взрослых не хватает? На кой тебе сдалась моя девчонка? Сам же взвоешь, спустя с десятков лет.

– Что если планы Николь изменятся?

Джеф опять помолчал. Потом так же медленно ответил:

– Думаю, я сумею достойно принять это.

Ну, договорились. Совсем край. Точно – чужак. Неужели ему и впрямь бабья мало? Может, у него есть какие-то скрытые психические отклонения, не выявленные их многочисленными комиссиями? Не должно быть, там сидят зубры не чета ему.

– Даже если я сам вложу руку своей дочери в твою прямо у алтаря, я за саму Ники ничего не могу обещать, ты меня понимаешь? Если у неё изменится мнение о тебе или жизненный опыт заставит иначе смотреть на мир, я ничего не смогу сделать.

– Конечно, – пожал плечами Джеф с таким видом, словно говорил: "Разве это не очевидно?"

Ладно, раз это для него – само собой разумеется.

– Ники очень увлекающаяся натура. Не стану ничего советовать, думаю ты сам решишь, что делать в данной ситуации. Не стану прогнозировать – частенько я сам не представляю, что может быть на уме у моей дочери. Но мне хотелось бы, чтобы ты поберёг её, если ты меня понимаешь.

Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Джеф глаз опускать явно не собирался. Конечно, его пристальным разглядыванием вряд ли смутишь: у него на шее каждую смену висит несколько сотен человек.

– Думаю, понимаю прекрасно, – согласился Джеф.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнул Том вздыхая и подумал: надо бы будущего зятя и припугнуть, для остратки. – Не хотелось бы применять какие-то специфические меры.

30

Для Марины дни в преддверии Поминовения усопших просто летели. Суета Тома давала некоторую свободу. Он уезжал иногда задолго до открытия офиса, а возвращался настолько поздно, что Марине приходилось накрывать второй обед. Вчера исчез несусветную рань и когда Марина поинтересовалась, зачем ему на работу ни свет, ни заря, он что-то пробурчал о её длинном носе.

Она отступилась – пусть. В его отсутствие они с Николь проводили прекрасное утро вместе. Но сегодня Николь явно не торопилась. Марина вышла из столовой, устав дожидаться её к завтраку. Чем больше истекало минут, тем сильнее укреплялось в Марине подозрение, что школу Николь сегодня решила прогулять. Потихоньку накаляясь, Марина крикнула, глядя из гостиной на поворот лестницы.

– Что ты там копаешься, Ники? Ты собралась опоздать?

И услышала в ответ недовольно-приглушённое:

– А ты сама-то что не на работе? С некоторых пор ты уже не едешь с папой, а оправляешься в офис на час позже. Это что, новый вид контроля?

– Моё расписание позволяет мне посвятить утро семье, чего нельзя сказать о твоём. Сколько можно возиться?

Марина говорила это, поднимаясь к ней в комнату и не сомневаясь, что Николь её прекрасно слышит.

– У меня ещё есть время, – заверила её Николь достаточно раздражённо.

– По-моему ты делаешь всё, чтобы его не осталось! – Как можно спокойнее проинформировала её Марина, входя. – Тогда будет отговорка, чтобы вместо школы отправиться к Джефу. – Выпад оказался верным: Марина явно угадала, а Ники явно разозлилась окончательно.

– И что такого, что я мечтаю о Джефе? – Сердито поинтересовалась она, суетясь у шкафа.

– Да не мечтаешь, у тебя прямо мания какая-то – Джеф. Настоящая слепая мания.

Смешно упрекать в этом Ники после того, как Марина отметила собственное восхищение, признав положительные качества Джефа.

– Ну и пусть, у всех есть свои мании. – Отмахнулась Николь. С издёвкой поинтересовалась: – Ты сегодня хочешь запереть меня?

– Я не пойму, что с тобой такое? – Сказала тихо Марина, надеясь наконец, прекратить спор.

– Мне надеть нечего! – Николь выпрямилась, взглянула на Марину с неудовольствием.

Ну, что маме надо?

– Как? – Удивилась Марина.

Оглядела распахнутый шкаф, раскиданные по постели и полу одежды Николь, её саму, взлохмаченную и расстроенную. Из-за пары джинс такое беспокойство?

– Сегодня же тридцать первое октября! – Воскликнула Николь. – У меня всё короткое! Можно я поищу что-нибудь у тебя?

– У меня? – Изумлённая Марина воззрилась на Николь.

Это что-то новенькое. Странно, уж что-что, а вкусы Николь она знала: ходить, как старуха в длинной юбке? Это были собственные слова Ники ещё в конце весны. Всё лето она проносилась в шортах, правда почему-то обожала чёрные футболки. Потом перешла на чёрные джинсы. Интересно, чем ей не нравится длина её одежды? Что может быть длиннее брюк? Платье со шлейфом?

Марина спешно пыталась припомнить, чем таким знаменателен последний день октября. Может, Ники расстраивает предстоящий день поминовения усопших? Завтра надо идти в церковь потому, что праздник Всех Святых, послезавтра надо идти в церковь, молиться обо всех умерших родных, не родных, знакомых, малознакомых и так далее. Марина точно знала, чьё имя записала Николь на листочке, который она опустила в урну в храме, для того, чтобы на этой панихиде

упомянули это имя.

– Пожалуйста, только там же всё длинное, – растерянно разрешила она.

– Ты полагаешь, мне лучше ходить в подобной куцей юбчонке? – Николь ткнула пальцем.

– А чем она тебе не нравится?

– Ма-а, помилуй, может, ты мне ещё предложишь распашонки, как трехлетней? – И Николь ринулась в её комнату, с разбега завернув в гардероб.

Когда Марина догнала её, она уже натягивала одну из её костюмных юбок.

– Ну, как?

– Вполне. – Согласилась Марина. Пожалуй, лучше сегодня не спорить.

Впрочем, действительно неплохо. Непривычно на Ники, правда.

– Да? – Николь покрутилась перед зеркалом в шкафу.

– Да. – Подтвердила Марина. – Отлично сидит и тебе идёт – подчеркивает фигуру. Комплекция у нас одинакова. Пиджак возьмёшь?

Николь покачала головой. Вернувшись к себе, она несколько секунд размышляла, как бы втиснуть коробку с куклой в рюкзак, затем преспокойно выложила из него учебники, аккуратно пнув всю стопку под кровать. Рюкзак не закрывался. Она попыталась создать видимость предшкольной спешки: выскочила из дома в незастёгнутом пальто, с бере-

том в руках, надеясь, что мама не приглядывалась к ней.

– Пока! – Крикнула она уже в дверях.

Шагая вдоль каменного забора, она подумала, что идти в школу на середину первого урока глупо. Побренчав в кармане ключами, остановилась. Телефон равнодушно отразил без четверти восемь. Смешно вообще ковылять в школу, если всё равно учебники в портфель не поместились. На автобус она тоже опоздала. Автобус приходит по расписанию и ей не хотелось стоять полчаса на остановке. Медленно обошла парк и двинулась на остановку – ходить на каблуках было непривычно.

Джеф точно будет недоволен. Но Джеф не папа или мама, он даже дуться не станет, а быстро предложит, как заткнуть сегодняшние пропуска. Классно, что он не рыдает над её каждым прогулом, а высказывает своё мнение: он просто говорит, что ему не нравится такое положение вещей. Если есть готовая ситуация, он не тратит время на огорчения, а просто подсчитывает все плюсы и минусы на входе, как он выражается. И делает вывод, и даёт дельный совет.

Надо признаться, благодаря его советам, хоть пропусков у неё не стало меньше, зато злобная Джонс не звонит теперь родителям каждый день. Никого не волнует, сколько у Николь пропусков, если все её тесты и контрольные сданы.

Джеф сказал, что в этот раз дежурство удобно попадает на ночь второго ноября. Завтра последний выходной перед дежурством. Сегодня прямо с утра могут прийти ребята, нуж-

но придумать что-то, пару салатов что ли сделать? Николь решила, что чем раньше она приедет, тем лучше. Стояла на остановке, разглядывая витрину парикмахерской напротив. Её привлекла фраза на плакате: ваша прическа – это ваш возраст. Николь, недолго думая, зашла поинтересоваться: нет ли у них стилиста. И тут же уселась в кресло, изумив мастера просьбой подсказать ей такой макияж, который делал бы её старше.

Задумчивый и почему-то усталый с утра человек подобрал повыше её волосы и сказал:

– Первый случай в моей практике. Все хотят выглядеть моложе, независимо от возраста. Смотрите, как меняется ваше лицо, если изменить прическу. У вас молодёжная стрижка, но волосы уже отросли и если вы не будете стричься, можно будет создать прическу любой сложности. Если вы хотите добиться более длительного эффекта, можно сделать татуировку морщинок возле глаз и в уголках губ.

– Нет, я же не сумасшедшая, – отказалась она, смерив его взглядом и покачала головой. Как ни подделывай внешность, не подделаешь же в документах год рождения. Кроме того, помнится где-то в книге Левит она вычитала, что богопротивно пачкать собственное тело надписями и рисунками. Моисей объявил такое дело незаконным.

Татуировки внушали ей отвращение своей неизменностью. А вдруг эта бабочка на пятке ей не понравится через десять лет и её невозможно будет удалить? Может же изме-

нитья собственное мнение? Николь такой возможности у себя не исключала. Она совсем не считала, что у неё нет собственных убеждений или она непостоянна. Наоборот, почти с восторгом она принимала изменчивость мира и собственных вкусов – так было интереснее. То, что не входило в неизменные ценности должно быть изменяемо. А к неизменным ценностям Николь относилась только один параметр: Любовь. Неважно, какая именно – любовь к Богу или любовь к близким людям, это была Любовь. И это было, по её мнению, самое важное в жизни.

Стилист легко согласился с ней – клиент всегда прав. Если это неприемлемо, то нужно другое решение. Он осмотрел её придирчиво, обходя вокруг.

– Тогда нам остается в основном причёска, – он показал ей, как укладывать волосы самой, если очень понадобится, сделал ненавязчивый макияж. Произвёл маленькое чудо и отпустил. Обобрал при этом, кстати, вполне допустимо, даже на такси осталось. Николь нетерпеливо расхаживала возле остановки, то удаляясь, то приближаясь к стойке с расписанием и прикидывая, как лучше поступить: действительно взять такси или дождаться автобуса? Если такси – все её карманные деньги на этом закончатся. Придётся потом просить у мамы. Экономист в Николь отдавал свой голос за автобус. Но от остановки в Арлингтоне идти несравнимо дальше. Зато из такси можно позвонить маме – в автобусе это делать как-то неудобно. Получается странно: если экономить – она

непочтительная дочь. Если тратиться – она звонит маме.

Дилемма.

Значит, выбор прост: исполнять свой долг или нет? Позвонить маме? Или не надо? Не позвонить нельзя. И сэкономить хочется. Ужасно. Подошедший автобус разрешил её сомнения. Она издалека увидела его, обругала себя, что отошла от остановки и кинулась бегом, надеясь, что успеет. Побегай-ка на каблуках после кроссовок. Хорошо ещё, что бежать не далеко. Водитель её дождал. Очень мило с его стороны, наверное, он уже запомнил Николь.

Она уселась у окна, разглядывая проплывающие мимо дома, машины, светофоры, ленту тротуара со спешащими по нему людьми и собаками. Настучала номер на телефоне.

– Это я. – Сообщила Николь вместо обращения, всё еще думая: "что сказать то?"

– У тебя всё в порядке? – Спросила мама. – Ты опоздала?

– Да, – жалобно уронила Николь, понижая голос. – Только я не в школе. Сегодня у Джефа день рождения, а завтра у него дежурство.

– Ники! – Укоризненно воскликнула мама.

– Я могла и не звонить, – сердито напомнила Николь.

– Попробуй хотя бы вернуться пораньше, – посоветовала

Марина: что тут ещё скажешь?

Николь с облегчением запихнула телефон в карман. Не отворачиваясь от окна, чтобы не встречаться с любопытными взглядами. Хотя странно этого бояться: все люди так за-

няты собой, что им всё равно, что происходит вокруг них с другими людьми.

Она шла по узким улочкам Арлингтона от остановки медленно, старательно заставляла себя делать шаги покороче. На каблуках оказывается проще бегать, чем ходить. Очень трудно было преодолевать дорожные ловушки: осколки стекла на углу после какой-то аварии, выброшенные силой удара на тротуар и до сих пор не убранные, подвернувшийся под каблук колпачок шариковой ручки, трещины на асфальте, мелкие камушки. Попробуй пройди через всё это!

Вскинув голову, Николь осторожно шагала по кромке тротуара, опустив глаза вниз, под ноги, чтобы не пропустить какой-нибудь мелочи, которая поможет вывихнуть ногу.

– Не хотите мне составить компанию, леди? Я помогу вам добраться до самого вашего крыльца, – услышала она негромкий голос одновременно с шорохом шин.

Голос был приятным.

Николь подняла глаза. Рядом притормозил чёрный «мерседес», и водитель приоткрыл дверцу, разговаривая с ней. Как-то он странно это произнёс и Николь повнимательнее присмотрелась к нему. Это был тот самый человек, которого она часто замечала возле особняка. Он словно наблюдал за домом. Вчера, например, он стоял на тротуаре через дорогу, когда она возилась с замками Джефа. Она видела этого типа почти регулярно. Его трудно было не заметить, с его бесподобно-седой шевелюрой. Он неуловимо напоминал ко-

го-то Николь: в лице было что-то привлекательное для неё. Она даже пыталась нарисовать его по памяти, но, кажется, не очень-то получилось и Николь, разозлившись, бросила. Надо было рассказать Джефу. Раньше-то этот наблюдатель просто проходил мимо дома и смотрел на неё. Откуда ей знать, может это просто сосед? Но раз он к ней обращается, значит, имеет какой-то интерес?

– Благодарю, – с вежливой прохладой отказалась Николь, вернувшись взглядом к дороге под ногами.

– Думаю, нам с вами по пути: мы явно направляемся в одно и то же место, – продолжал седой нахал.

– А вдруг вы маньяк, который охотится за молодыми девушками? – Очень серьёзно произнесла она, отвлёкшись от своего занятия и чуть в самом деле не подвернула ногу, наступив на какую-то ерунду. Покачнувшись, она взглянула вперед и увидела Джефа. Он стоял на газоне, опершись плечом о дерево и, скрестив на груди руки, смотрел на неё.

Без куртки. С мокрыми волосами. И улыбается!

– Уверяю вас, я совершенно безобиден, – заверил её собеседник.

Джеф отклеился от дерева и шагнул на тротуар, поближе к Николь. Теперь его мог увидеть и водитель "мерседеса".

– Привет! – улыбнулась Николь. Подошла к Джефу, испытывая невыразимое облегчение. Обнаружила, что её глаза находятся на уровне его шеи, а не плеч, как раньше. А что, каблуки – это полезно!

– Привет, – сказал Джеф, забирая из её рук рюкзак.

Уставился на седого, прищурившись. Он всегда щурится, если ему что-то не нравится. Седой даже не смутился, словно ожидал увидеть Джефа именно здесь. Улыбнулся. Они явно знали друг друга. Глядя на них, Николь словно слышала безмолвный диалог: "Что тебе тут надо?", "Да вот к девушке клеюсь". Глаза Джефа не указывали на безудержную радость при виде этого человека, напротив, он весь напрягся, словно ожидая неприятности. Но при этом было совершенно ясно, что он не испытывает ненависти. Скорее просто ждёт. Водитель же напротив, смотрел на Джефа с такой же скрытой улыбкой, таящей поощрение, с какой сам Джеф частенько смотрел на Николь. И она поняла вдруг: это и есть его дядя. То-то ей его лицо казалось знакомым.

Тогда вполне объяснима и её собственная симпатия к незнакомцу.

Николь поёжилась под пронизывающим, хоть и не сильным ветерком. А Джеф с мокрой головой, выскочил встречать её! Или увидел эту машину? Джеф бросил на неё пронизательный взгляд, окинув разом и туфли, и длинную юбку.

– Не представишь? – Полюбопытствовал рядом Майк.

– Николь, позволь тебе продемонстрировать: мой дядя Майкл-Фредерик Коган – поморщился Джеф и, изумляя Николь, легко вытащил его за плечо из машины. Майк чуть дёрнувшись, попытался вырваться из его цепких пальцев, буркнув "медведь, медведь и есть".

Джеф невозмутимо посоветовал ему:

– Поклонись мисс Гордон, благодаря ей я жив.

– Очень приятно, – сказал, действительно слегка кланясь, Майк, не обращая внимания на руку Джефа и рассматривая весёлыми глазами Николь.

Казалось, ни манеры Джефа, ни его отношение, дядюшку не задевали.

– Не пригласишь? – Поинтересовался Майк. – А то, боюсь, ветром все мозги выдует тебе: неуютно здесь как-то.

Джеф тут же отпустил его и подал руку Николь, просто для того, чтобы ощутить её пальцы, потянул её за собой к дому, не отвечая. Николь оглянулась на Майка. Он смотрел на Джефа с такой болью, что его взгляд резанул её.

Она остановилась.

– Мне кажется, ты не прав, – тихонько выговорила она Джефу, остановившемуся тоже. – Его разве не надо приглашать?

– Нет, – резко сказал Джеф. – Он и так зайдет. Он как вампир, и звать не надо: сам везде проникнет – фиг выгонишь. Я его уже пригласил однажды. Себе потом дороже, – и Джеф быстро пошёл к дому, увлекая её за собой.

– Почему, как вампир? – Удивилась Николь, всё равно оглядываясь на ходу.

Майк загонял машину во двор, кажется ожидая, когда Джеф откроет гараж.

– Потому, что он и есть вампир. Подпитывается чужой

энергией. Потом ты сама поймёшь.

Она удивлённо промолчала на такое странное заявление, не найдя, что ответить. Пыталась понять, что это с Джефом, пока они поднимались по крыльцу и пересекали веранду. Настроение у него явно было не очень-то радостное и Николь тревожно посматривала на него, гадая: это просто из-за дня рождения или от того, что появился Майк? Когда они вошли и Джеф помог ей раздеться, поёживаясь, потянул за руку дальше, в гостиную, Николь обнаружила, что в кресле сидел Майк, наблюдал за входом. Николь так поразило это, что она замерла в дверях.

– Видишь и приглашать не надо, – сказал рядом Джеф, усмехнувшись. Снова поёжился, то ли от холода, то ли это была просто нервная дрожь. Ему казалось, что каждая волосинка на его теле встала дыбом, превращая его действительно в лохматого зверя.

Всё-таки, наверное, замёрз на улице. Джеф пошёл к Майку, даже не предполагая, насколько осторожно-опасливым его движение видится со стороны. Майк, откинувшись на спинку и положив левую ногу щиколоткой на правое колено, наблюдал за этой грацией охотника с едва уловимой улыбкой. Джефу всегда казалось, когда он видел Майка, что тот полностью одобряет его, и эта поощрительная улыбка просто выводила его из себя.

Как можно принять одобрение человека, поведение которого ты не одобряешь сам?

– Хочу тебя немного огорчить, – процедил он, останавливаясь напротив и разглядывая это непринуждённое хамство.

Майк, как всегда, мгновенно понял, о чём это Джеф: торопливо выпрямился, словно собрался защищаться, достал из кармана связку ключей.

– Я был уверен в этом. Если ты заметил, как только ты стал регулярно появляться дома, я сюда ни разу в твоё отсутствие не зашёл.

Джеф опёрся руками о подлокотники его кресла и сказал, нависая над ним, со скрытой угрозой, ничуть не сомневаясь, что Майк её определит.

– А вот за это – признателен. Возможно, мы найдем общий язык когда-нибудь, если ты и впредь будешь многие-многие годы так же благоразумен.

– До конца жизни, – тут же поклялся Майк, беззастенчиво и покладисто.

Он явно испытывал от этого обещания невыразимое облегчение. Протянул ключи.

Джеф не шевельнулся, разглядывая его прищуренными глазами.

Помолчав, сказал:

– Правильно, потому что всё моё терпение по отношению к тебе уже давно...

– Вы знаете, – услышали они и обернулись разом к Николь. Она стояла совсем рядом, вытянувшись, напряжённая, – не хочется вас прерывать, но я должна сказать: мне так

жаль, что вы ссоритесь. Может быть, вы попробуете поискать какие точки соприкосновения, а то мне очень нехорошо от всего этого, – и она передёрнула плечами.

Неожиданная полупросьба-полутребование заставила их обоих замереть на миг. Николь постояла молча, переводя взгляд с одного на другого. Джеф разогнулся, испытывая жжение в душе и приглядываясь к ней в поисках сочувствия. Её выражение лица точно ему не нравилось. Николь посмотрела ему в глаза, потом на Майка, потёрла рукой висок. Ей словно было трудно поднять руку, потому, что она сразу уронила её вдоль тела.

– Понимаете, я не выношу ссор. Мне плохо, когда люди орут друг на друга или оскорбляют окружающих от равнодушия друг к другу. Ваша ссора ещё хуже, она не имеет жалости. Я видеть этого не могу, – она сцепила пальцы, потирая их, как Марина и в этом нервном движении Джеф, как в зеркале, увидел своё отражение.

Сколько боли можно подкидывать человеку, пока он сломаётся? Он мгновенно забыл о Майке. Годы его прошлых страданий не стоят одной слезинки Николь. Если она приняла его боль, она её разделяет. Как он мог!? Он взял ключи и бросил их на журнальный столик, вымещая в броске злость на себя. И сразу пожалел о этой вспышке.

Майк внимательно проследил полёт тяжелой связки и снова взглянул на Джефа. Ключи пролетели над столом и упали в кресло, даже не брякнув, за что Джеф был им весьма

благодарен.

– Прости Ники. Я виноват, – тихо сказало его раскаяние, вконец изумляя Майка, наблюдавшего за ними. – Прости. Никакого напряжения больше. День рождения, так день рождения. Пойдём, у меня есть для тебя подарок.

– Это же твой день рождения? – Сразу растаяла она. Улыбнулась чуть-чуть.

– Такой день для того и предназначен, чтобы благодарить родителей, что они тебя родили и дарить окружающим подарки.

– Тогда начни с Майка, – посоветовала Николь. – Будем двигаться от старшинства.

Джеф опешил, но, увидев знакомую требовательность в её взгляде, сразу смирился. Чёрт, он только что пообещал. Что же ему подарить, этому предателю? Придётся соответствовать.

– Что ты хочешь? – Нетерпеливо поинтересовался он, повернувшись к Майку. Хотелось покончить с Майком побыстрее.

Растерянный, тот миг помолчал, приглядываясь к Николь и Джефу.

– Прощения, – неожиданно сказал он.

– Моё прощение у тебя уже есть, – парировал Джеф. – Если ты его не чувствуешь, значит, не простил сам себя, а это твоя проблема. – Джеф посмотрел на Николь, пройдёт ли такое как подарок, но она стояла и ждала и Джеф понял:

мало.

Тогда он сказал, морщась, ёжась, спотыкаясь и старательно подбирая слова:

– Х-хотел бы подарить... Тебе... Доверие, но это. Тоже... Проблематично. Поэтому..., подарю тебе... Откровенность... она похожа на д-доверие...

Это было так необычно в Джефе: смущение и растерянность. Майкл не наблюдал такого у него с тех пор, как погиб брат с женой. Даже в самые тяжёлые свои годы Джеф был решителен и, казалось, всегда знал, что делать.

Майк, хмурясь, медленно вставал: слушать такое сидя точно нельзя.

– Николь – самый важный человек в моей жизни – быстро и чётко сообщил Джефу, сверля его глазами. – Дороже никого нет. Это очень большая откровенность. Жизненно важная. Подойдёт тебе для подарка? – Но смотрел он на Николь.

Она ждала. Майк стоял молча некоторое время. Увидев ожидание в глазах обоих, прошептал, почему-то хрипло, правда:

– Спасибо. Подойдёт, я принимаю твою откровенность вместо доверия, Ар.

Николь улыбнулась кончиками губ.

Они поднялись наверх, захватив рюкзачок Николь.

Майк остался внизу встречать гостей. Он всё стоял, глядя на валяющуюся связку ключей, а видя перед глазами Николь. Значит, нет никого дороже!? Да, ради такого открове-

ния стоило её поблагодарить. Связка ключей плавала в его взгляде, чуть увеличенная линзами неожиданных капель. Первая откровенность Джефа, касающаяся его личной жизни! За восемь лет, Господи! Может, он наконец женится?! Хотя... Она же девчонка совсем...?

Джеф, как только поднялся наверх, сразу схватил полотенце. Встряхнулся, передернув плечами и вытирая голову.

– Лучше феном, – посоветовала Николь, с улыбкой наблюдая, как он неистово трёт свою шевелюру. Интересное зрелище.

– У меня нет фена – я к ним равнодушен. Люблю сохнуть так. Но, может, ты и права: наверное, иногда имеет смысл сократить .

Поскольку Николь ничего не ответила, он сел рядом с ней на кровать и сказал:

– Чёртов Майк выкурил меня из дома в мокром виде. Я только из ванной вышел, смотрю – ты идёшь. И он рядом. Ну и вылетел.

– Почему Ар?

– Детское сокращение. Майк большая язва, не принимай его слишком близко к сердцу.

– Он мне ничего плохого не сказал и не сделал. Он мне понравился, – заверила его Николь.

– Рад тебя видеть, – помолчав, тихо сказал Джеф. – Ники, ты изумительно красива сегодня.

Она некоторое время смотрела на него. Потом протянула руку и провела по его холодной щеке.

– Спасибо.

– Посмотри, что я хочу тебе подарить, – восторженно воскликнул он, вставая. Николь поднялась следом – стало интересно. Джеф полез в гардероб и вынес оттуда мольберт.

Это был самый дорогой экземпляр, который он нашёл. Причину стоимости ему объяснили очень просто: натуральные материалы, практичная форма и самый приятный дизайн. Джеф в этом не разбирался, но счёл, что если не понравится, можно будет поменять.

Николь ахнула. Это она оценила. В её глазах это по значимости было равноценно кольцу. Нельзя сказать, чтобы у папы не было денег на такую вещь. Были. Но приобретение мольберта обозначало ПРИЗНАНИЕ. Джеф полагал, что она в состоянии писать и это было тоже признание. Не только признание её как человека, достойного его любви, а признание её как личности. Что она что-то может делать, что какие-то вещи ей по силам. У неё даже не было слов, чтобы выразить ему свою благодарность. Она шагнула к нему и прижалась к его груди, уткнувшись лицом в белизну сорочки. Ощутила запах Джефа, аромат его одеколона, мягкие завитки волос над ключицами в незастёгнутом воротнике. Джеф обнял её, притягивая к себе ближе. Николь чувствовала, как он гладит щекой её по голове.

– Не знаю, правильно ли я купил. Я в них не разбираюсь.

– Правильно. Это хорошая модель. Очень хорошая, – она подняла голову и воспользовавшись тем, что он стоял в растерянности, с опущенной головой, поцеловала его. Чуть поднявшись на цыпочки. – Спасибо за признание. И спасибо за подарок.

Джеф расслабился совсем. Засмеялся. Усадил её на кровать снова, сам сел у её ног прямо на пол, по-турецки. И смотрел на неё теперь гораздо веселее, чем раньше.

– Рад, что угадал.

– Я принесла тебе то, что обещала, – она дотянулась до рюкзака и извлекла из него коробку. Открыла. Там действительно оказалась кукла. Небольшая – чуть больше десяти дюймов. Черноволосая, черноглазая, смуглая. Бусы, браслеты, атласные башмачки. Костюм напоминал кубинский. Николь посмотрела на неё со странным выражением на лице, словно разглядывала что-то очень мелкое: чуть нахмурившись и обозначив тонкие линии морщинок на лбу.

Протянула куклу ему. Джеф взял её, повертел в руках, не зная, что с ней делать. Положил в коробку. Николь наклонившись, спокойно закрыла крышку и подвинула коробку к нему.

– С днём рождения. Ты извини – это грустный подарок. Но это действительно единственная вещь, дороже которой у меня ничего нет. Она в какой-то степени похожа на меня: такая же сирота. Мать нашла её в коллекции и смогла купить только её – она была жутко дорогая.

"Ещё бы"! – подумал Джеф. – "Ручная работа".

Николь помолчала, опустила голову.

– Это был последний её подарок. Через три недели она умерла. Если бы я сейчас ушла из дома, я бы ничего не взяла, кроме неё. Даже рисунки и картины – их можно написать снова. Я с ней никогда не играла, она всегда была для меня олицетворением смерти, разве со смертью поиграешь? Просто доставала иногда, когда плохо. Или на рождество. И странно – становилось легче. Она как талисман. Я хочу, чтобы она была твоей.

Пока она рассказывала это, Джеф каким-то неуловимым движением поднялся, вставая на колени перед ней. Она замолчала. И Джеф молчал, потому, что не в силах был говорить. Да и не знал, что сказать. Хотел поблагодарить, но вышел какой-то сип. Прокашлялся и сказал:

– Спасибо, – получилось хрипло.

Что-то он как Майк совсем.

Николь негромко засмеялась

– Ничего, я не обижусь, если не нравится. Такие вещи, да ещё с подобным сопровождением мало кому могут понравиться.

Джеф обнял её за плечи, притянул к себе, прижался виском к её волосам. Она осторожно обняла его тоже. Неизвестно, сколько прошло времени, пока он наконец спохватился:

– Мне нравится. Мне давно уже не дарили подарков. Я люблю вещи с историей. Это глубокий подарок. – Он взял её

лицо в ладони и нежно поцеловал. Повторил:

– Спасибо.

31

Майк, наконец, плюхнулся в кресло, опёрся локтями о колени, нещадно сминая идеальные складки. Ветром сильнее приоткрыло створку распахнутого окна, донеслись весёлые крики. Ну вот, можно не переживать: гости уже пришли и развлекают себя сами. Неужели в такой холод эта толпа ползет в бассейн? Он медленно встал, пошёл в зимний сад посмотреть, кто там так орет. Сквозь толстенные стеклянные стены смутно угадывались фигуры: толстая, тонкая, две поменьше и не такие объёмные, кто-то ещё.

Он вернулся в гостиную, постоял, размышляя. Видимо, все собрались. Прошёл на кухню, включил обогрев бассейна. Интересно, Джеф не включал его ещё? А то вода будет горячая. Впрочем, какая разница? Не он же будет плавать. Сколько он ни присутствовал на диспетчерских вечеринках для своих, всегда ощущал какую-то стену между собой и ними. То ли это его собственная отстранённая натура так сказывалась, то ли друзья Джефа чувствовали между ними с Джефом стену и таким образом выражали поддержку Джефу. Все-таки Джеф теперь уже больше десятилетия принадлежал к их кругу, своя специфика общения.

Майк иногда, приглядываясь к ним, отчаянно завидовал: там была простота и ясность отношений, непонятная и почти

неприемлемая для него.

Звякнул звонок, он пошёл и открыл, отбросив раздумья.

– Майк? – Изумилась Джулия. – А где Джеф?

В этом они все. Приветствие так естественно, что можно о нём забыть.

– Наверху. Получает подарки. Или сам раздаёт, – устало сообщил Майк, поворачиваясь и шагая в гостиную.

Раз по-твоему приветствие неважно, я тоже промолчу, зачем казаться вежливее, чем есть? А дверь она и сама закроет, если у неё нет вопросов.

– Наверху? – Переспросила Джулия, пока он возвращался, чтобы снова усесться в кресло.

Оглянувшись на удивление в её голосе, он увидел, как она сворачивает к лестнице.

– Лучше так позови, – посоветовал Майк. – Он не один.

– О! – Обрадовалась Джулия и моментально развернувшись, быстро устроилась в кресле, напротив. – Наконец-то я дожидая до того момента, когда Джеф не один! Ты меня просто сразил, Майк! – С недовольным писком она вытащила из-под себя связку ключей. Перебросила их на диван, сказав вполголоса: "из кого это сыплется?", насмешив Майка. Поинтересовалась у него:

– И долго он там будет?

– Не знаю, свечку не держу.

– Вот почему ты хмурый такой, – засмеялась Джулия – А я-то думала... Слушай, Майк, что ты тут сторожем сидишь?

Пошли к нам, мы тебя колбасками накормим и пивом напоим. Джеф позвал на барбекю, а сам даже жаровню не запалил. Ладно хоть приготовил всё. Пошли. А если ты внесёшь разумный вклад в виде спиртного – все будут только рады.

Поистине, сегодня день сюрпризов. Такие откровения. Позвал он их на барбекю, как же! Да после его развода вы сами его к нему на праздники зовете, знаю я вас.

Майк, полуприкрыв глаза посматривал на Джулию, покачивая над коленом носком своего начищенного ботинка. Последнее её утверждение вызвало серьёзные сомнения у него, но он решил не обращать внимания.

Опять засмеялся, удивляя Джулию.

– Свою лепту я уже внёс включив обогрев в бассейне. А если вам спиртного мало – загляни в бар.

Он кивнул в сторону кухни.

– Я ещё и в холодильник загляну. Вдруг Джеф там мясо оставил? – Пообещала она, легко вставая.

Впрочем, Джулии можно было и не напоминать, она уже лет семь распорядитель на всех диспетчерских вечеринках. Может, это призвание такое? До неё, конечно, далеко первой жене Хартли, как-там-её-звали, неважно. Майк рассматривал фигуру Джулии, когда она прошла мимо один раз, потом снова, когда вернулась. Он даже не заметил, что она несёт в руках. Отвлёкся только наткнувшись глазами на полный фужер, который она сунула ему чуть не в нос.

– Что это? – Отодвигаясь, он взял, поболтал осторожно,

наблюдая как по стенкам скатывается прозрачная чуть маслянистая жидкость и слушая позвякивание льда. – Фу, какая проза. Коктейль с виски!

– Конечно. А что ты думал я ещё тебе принесу?

– У вас просто банда алкоголиков.

– Ага, – согласилась Джулия. – Пей давай.

И он взял, да и выпил.

Джулия тут же протянула тарелочку с лимоном и ломтиками салями.

Подходяще. Когда так пакостно в мозгах, пусть будет также и в желудке. Великолепное утешение. Всегда он на него ловится, хотя точно знает – не помогает. Ничем не заглушишь сосущую тоску внутри. Алкоголь на Майка никаких штор не навешивал: так напиться, чтобы потерять сознание ему не удалось ни разу за всю жизнь. Сколько бы он ни выпил спиртного, мысль всегда работала чётко, и беспощадная память ничем не прикрывалась. Это было неприятно, потому он однажды решил: пить – бесполезно. Джеф, видимо, тоже, поскольку Майк видел, что он не пьёт ничего вообще.

– Есть у тебя любовница, Майк? – Спросила Джулия над ним немного погодя.

Вот развязная женщина!

– Нет, – честно ответил Майк. – Мне последней мегеры хватило по уши. Почитай, десятилетие очухаться не могу.

– Бедняжка! – Воскликнула Джулия, возвращаясь в крес-

ло. Тарелку с лимоном и колбасой она поставила поближе к нему, на журнальный столик. – И все эти годы один как перст. Да, вы с Джефом друг друга стоите!

– Не мы. Жизнь такая.

– Что сложного в том, чтобы найти себе пару?

– Это легко, когда ты не обременён годами-сединами, опытом и неповоротливым мешком денег.

– Так ты в каждой видишь акулу! – Засмеялась Джулия, кивая.

С ней было легко и вовсе не потому, что он только что тяпнул натошак стаканчик. Просто она такая уютная, свой человек и не болтушка, насколько он успел выяснить за эти годы. Приставать к ней тоже не хотелось, и не потому, что он был не уверен согласится ли она, просто она была не для него. Она интересная, но взаимопонимания им всё равно полного не достичь, он это чувствовал. В таких женщинах много приземлённости, а ему нужно было чтобы женщина была таинственна, как сфинкс.

– Скажи ещё – Эмма была не акула, – сказал Майк, чувствуя как он начал неудержимо пьянеть. – Что ты такие разговоры ведёшь с чужими мужиками?

– Нашёлся чужой. Сколько лет я тебя знаю? Около восьми?

– Прекрати напоминать мне о моём возрасте. Во мне и так живёт тоска по поцелуям. Пошли, я готов. Пока я ещё могу идти, и что-нибудь нести. Боюсь, что через некоторое время,

я уже отсюда не встану.

Их приняли приветственным свистом и стуком по столу.

– Что это вы не купаетесь? – Поинтересовался Майк, решив быть гостеприимным, раз уж он на правах хозяина.

– Тебя ждём. Куда ты именинника дел – уже слопал?

– Им и подавиться можно, борода в зубах завязнет, – посоветовал Майк и качнулся.

Для него тут же притащили кресло и взялись усиленно кормить колбасками, благо – на решётке уже высилась поджаренная груда. Это было почти невыносимо. Жирные колбаски после чуть разбавленного виски натошак. Экстремальщики! Желудок Майка не работал на таком уровне довольно давно. Завтра ему обеспечен весёлый денёк. Он откинул голову на спинку и стал смотреть на высокое бледное небо. Вспомнил, что сегодня холодный ветер, но сейчас ему почему-то было не холодно. Может ветер улёгся? Майк покрутил глазами, выискивая на чём же это можно проверить, но рядом, как назло, не было ничего такого, что мог бы шевелить ветер. Потом увидел лохматые головы общества и облегчённо засмеялся. Есть ветер. Покрутил глазами, проверяя кто чем занят. Хартли жарил колбаски. Джулия с Норой в халатах хихикали на качелях. Адам надувал шарики. Стив с пивной кружкой сидел на краю бассейна и пробовал воду. Интересно, нагрелась или нет? Надо им напомнить, чтобы там к трубам не прижимались, но мысль тут же ускочила, потому, что Стив встал и сказал:

– Хотите анекдот?

– Отстань – посоветовала ему Нора. – Мы его знаем. О том, как встретились у ворот рая священник и шофёр. И пропустили шофёра, потому, что все молились, когда он вёл автобус.

– Ну вот. Ничем вас не удивишь, – вздохнул Стив. – Не получается у меня веселить народ, когда нет Джефа.

– Как это – нет Джефа? – Спросил Джеф.

Стив оглянулся и упал в бассейн, не удержавшись. Все захохотали. Хартли кинулся ему помогать, уронив в жаровню длинную двузубую вилку, которой переворачивал колбаски. Адам, хихикая, бросил шарики и выудил вилку из углей, подталкивая её к краю ложкой для соуса. Оглядел горящие колбаски и так и застрял тут, сменив Харта.

– Я не знаю, как встретились священник и шофёр, – сказал сам себе Майк, оглядев плавающего Стива и хохочущих верзил-диспетчеров.

Правда, что у них за группа? Одни башни.

– Там и знать нечего: все спали на проповедях. – Сквозь смех ответил Майку Адам из клубов дыма.

– Эх, моё пиво! – Жаловался Стив из бассейна. – Да, ладно, всё равно завтра дежурить.

– А ты сказал, что не можешь веселить народ. – Напомнил ему Майк.

– Братва! Вы напоили моего Майка? – Заинтересованно наклоняясь над ним, уронил изумлённый Джеф. – Как вам

это удалось?

– Нора, давай ко мне, – посоветовала Джулия, поспешно перебираясь от края бассейна к центру. – Пока не застигло возмездие.

– Это была твоя идея – виски ему подсунуть. – Отмахнулась Нора.

– А воду он всё же нагрел! – Закричал Стив, выбрасывая из бассейна пустую кружку на траву. – Можно звать малышня.

– Точно. Ты будешь спасательным кругом, – ответил Хартли.

Майк, повернув голову смотрел мимо Джефа – у бассейна стояла Николь. Она так и притягивала его взгляд. Было в ней что-то такое, что заставило его сесть попрямее. Она его интересовала. Немного печальна, как ему показалось, но смотрела на всех ясными глазами. Её знали, он сделал такой вывод потому, как вокруг неё сразу закрутилась детвора, пока она разговаривала с Норой, да и ребята спокойно здоровались с ней.

– Я сам так нализался, – объяснил Майк, поворачиваясь к Джефу. – Мне тут вполне хорошо. Знал бы раньше, что меня только в таком виде за своего примут, ещё лет десять назад бы попробовал.

– И правда, – вставила Нора. – Столько времени потерял. – А у тебя дядька вполне, Джеф. Совсем не манекен.

А, так вот как они его окрестили!

Майк усмехнулся.

– Чтобы тебя в свои приняли, тебе надо ещё в бассейне искупаться, – с очень серьёзным видом сообщил Джеф.

– Да хоть прямо так, – покладисто согласился, энергично кивая и улыбаясь Майк, наблюдая, как Николь наклоняется, берёт кружку Стива и, подходя ближе, мимоходом ставит её на стол, рядом с бочонком. Непонятно было, заботит её чистота, или она просто движется к Джефу. В этом её приближении не было ничего робкого. Мягкая свобода неторопливых движений привораживала.

Николь ему положительно нравилась. Неужели Джеф наконец нашёл?

Майк перевёл взгляд на племянника, пытаясь понять это.

Джеф так же заинтересовано смотрел на него.

– Прямо так, говоришь? Давай помогу! – И он взялся за спинку стула рукой.

Майк наконец понял, что его сегодня смущало в нём: Джеф был без галстука, с закатанными по локоть рукавами, открыв на всеобщее обозрение свою, как он выражался шерсть, которую, насколько помнил Майк, всегда старался не демонстрировать.

Подошедшая Николь тихонько положила руку ему на сгиб локтя, и Джеф замер. Майк так и представил, как она говорит: "не надо". Она молчала. Майк посмотрел в глаза Николь. Они ему чуть-чуть улыбнулись, эти глаза.

Джеф медленно отпустил спинку стула. Взял Николь за

руку, сняв её ладонь со своего локтя. Сообщил:

– Костюм вот только мне твой жалко.

– А ты ему кто? – Спросила Джулия из воды, глядя на Николь.

Джеф повернулся, окинув быстрым взглядом голубоватую гладь воды в мелких волнах от детей. Когда Джулия туда успела плюхнуться? А раздеться? Всё приготовили, черти, даже купальники взяли. Стиву удалось сдернуть Харта в бассейн.

– Невеста, – сказал Джеф.

– Жена, – без тени иронии сообщила Николь в один голос с ним, посмотрев на Адама.

Адам отсалютовал ей, переложив закопчённую вилку в левую руку.

Джеф улыбнулся: в нём что-то сладко таяло.

– Тогда залазь, – потребовала Джулия.

Николь чуть заметно отрицательно качнула головой.

– Успеет ещё, – отрезал Джеф,

Отпустить руку Николь? Ни за что. И она не хочет.

К полудню стало совсем жарко, и визг детей, плещущихся в бассейне оглашал окрестные крыши. Разумная Джулия привезла и свою мать, которая часто оставалась с детьми, и теперь, наслаждаясь сангрией, с удовольствием наблюдала, как бабушка разговаривает с Майком, сидя на шезлонге у бассейна. Позже всех появился отец Теодор и сразу устроил соревнования по ловле игрушек в бассейне. Вопли и гика-

ные детей ничуть не мешали, начавшись, игра набирала обороты. Адам, запарившись у жаровни плюхнулся в бассейн, составить им компанию и радостно скакал там, забыв о колбасках. Харт унюхав что-то выскочил из бассейна костеря его на все лады. Через два часа вылез и Тед, взлохмаченный и красный, проинструктировав Адама, а бразды правления игрой доверив бабушке. Присоединился к Майку, так и не сдвинувшемся с места. Джеф иногда поглядывал на отца, пытаясь определить, не скучает ли он. Тед явно не скучал: он ухитрился побеседовать со всеми и прослыть новоявленной душой компании, прежде чем удалился, сопровождаемый улыбками и приглашениями.

Майк вызвался проводить его и с их уходом разговоры из общечеловеческих тем незаметно и плавно трансформировались в узкопрофессиональные.

Николь отдали в полное распоряжение кресло-качалку, потому, что на неё забрался сын Хартли и Джулии, Бен: его полтора года позволяли ему самому выбирать руки, на которых он хотел сидеть. Николь было явно тяжело держать, и она попросила принести на газон что-то четырёхное. Так кресло перекочевало с веранды сюда. Периодически кто-то из ребят тащил Николь и Бену колбаски. Иногда она брала колбаску, но чаще качала отрицательно головой. Бен был шустрый пацан, оставалось только удивляться как у его ближайших родственников хватает на него терпения. Он топтался по Николь, скатываясь с её ног, как с горки, раскачивал

кресло, лазил по подлокотникам и делал всё это так комично, что Николь, хоть и говорила ему иногда: "эй, потише!", всё равно всё время смеялась. Джеф наблюдал за ней, сидя на траве у её ног, не в силах отвести от неё глаз. Малыш и его включил в свою игру, и Нора только толкнула локтем Стива, показав глазами на Джефа и Николь. Джеф – смеялся. Не вежливая улыбка, не просто его привычное "ха-ха" с серьёзным лицом. Он смеялся потому, что ему было хорошо с этой девчонкой. И вот это становилось уже серьёзно. Джеф был настолько увлечён, что даже не слышал, что говорят вокруг, пока его не окликнул Хартли:

– Эй, Джеф, смени-ка меня у очага. Ты ж у нас непревзойдённый профессионал по "сосиски пожарить".

– Но-но. Без пошлостей, – Джеф неохотно поднялся и переходя на его пост, легко хлопнул его по плечу.

– Да женщин вообще нельзя к технике допускать, – продолжая прерванный разговор, сказал Харли.

Облегчённо плюхнулся на траву.

– Кстати о женщинах и технике, – произнёс Джеф, коротко взглянув на него и не поинтересовавшись, что привело их к такой теме.

Спокойно выложил на решетку горку колбасок.

– Помните ту милейшую журналистку, которая пыталась проникнуть к нам в "башню". Вы не читали её очерк?

– А чего там? – Сразу озаботился Стив.

Николь рассматривала их всех, пока они сдержанно хихи-

кали, слушая Джефа. Малыш заснул на её руках, и она теперь могла отдохнуть. Пару раз её Джулия спрашивала, не тяжело ли ей, предлагая забрать Бена, но Николь только качала головой в ответ, боясь, что он проснётся. А будить его было жалко. Сидела, поглаживая тонкие волосёнки малыша и прислушивалась к тому, что рассказывал Джеф:

– Она написала: "Самолёт коснулся шинами шасси ярко освещённой глиссады и ... – тут смешки перешли в сдавленный хохот и все просто согнулись от смеха, Джеф невозмутимо продолжал: – покатился, оставляя чёрный шлейф дыма от покрышек... – он оглядел стонущую от смеха компанию и убрав с огня все колбаски, уселся на прежнее место. – Ну, а дальше неважно.

– А что смешного? – Поинтересовалась Николь у него.

– Глиссада – воображаемая линия, – объяснил он без улыбки под стоны от хохота. – На неё сесть невозможно. Когда самолёт идёт на посадку, ему задаётся глиссада. Если она будет сильно пологой, то получится длинная посадка. Это неэкономично. Если глиссада окажется сильно крутой, есть риск врезаться в локатор: его ещё называют ближний привод. У полосы их два ближний и дальний. Глиссада обычно задана в бортовом компьютере. Она просто немного корректируется с учётом ветра: правее, левее, и всё. Сейчас пошло новое поколение бортовых компьютеров, в них есть автоматическая посадка. Такой небольшой экран – Джеф быстро нарисовал в воздухе указательными пальцами квадрат. – Там

видно глиссаду, ты только сидишь и стараешься удержать самолет в её зоне, чтобы не было смещения. То есть сидишь, вцепившись в штурвал, и напрягаешь собственные мышцы. Хотя встречаются кадры, заходящие ниже глиссады.

Он потянулся и прикрыл жаровню: колбаски закончились и жарить было нечего.

Николь улыбалась, рассматривая как Стив вытирает слезы. Опустила руку в широкую глиняную вазу для цветов, поболтала пальцами в прохладной воде, путаясь среди стеблей. Вчера они с Норой устанавливали эти разноцветные пузатые сосуды на столах: их Нора притащила в подарок, но сказала, что Джефу ни в жизнь самому в руки не отдаст. Он никаких подарков не принимает, после того как они подарили ему собаку. Николь понимала его: здесь было дело вовсе не в том, что далеко не всякий человек примет животное от друзей без предварительной договорённости.

Она сама забрала у Норы этот дар, раз он не столько для Джефа был, сколько для дома.

– Хохочут, – усмехнулся Джеф рядом с ней. – Сами же ничего рассказывать не хотели, вот она и написала, как могла. А мы пока все колбаски съедим, правда?

– А куда делся твой Майк?

– Наверное, сидит в одиночестве в гостиной. Не ходи к нему.

Интересно, как бы она это сделала? Она чувствовала себя просто замурованной в кресле. Хотя Бен такой мелкий и за-

бавный, он был довольно тяжёл.

– Почему?

– Я ему не верю. В некоторых вопросах.

– Так ты и ревновать умеешь? – Сказала едва слышно Николь и засмеялась.

"Ох!" – подумал Джеф.

И ещё как умеет-то!

Под вечер ребята, закинув несколько последних пакетов из-под сока в мешок, подобрали остальные мешки с посудой и пустой бочонок и двинулись к воротам. Джеф, стоя под розовым кустом, смотрел, как они сбрасывали мусорные мешки в контейнер. На качелях Нора и Николь болтали о чём-то вполголоса. Стив, махнув Норе, чтобы поторопилась, загонял мальчишек в машину. Джулия, подходя к Джефу в обнимку с Хартли, сказала довольно громко:

– Скажи ему. Или я сама скажу.

– Что "скажи"? – Поинтересовался Джеф.

Джулия, похлопав их обоих по плечам, пошагала не торопясь к машине. Помявшись и оглянувшись на Джулию, Харт вполголоса, торопливо проговорил:

– Понимаешь, не хотелось тебя расстраивать. Но в начале нашей смены, фактически, только вы ушли, звонила Эмма. Искала тебя.

Джеф мгновенно напрягся, нутром чуя опасность.

– Знает Малыш – он у нас ещё тогда сидел. Я послал его поговорить с ней. Она внизу стояла, её к нам не пустили.

Спрашивала куда ты из вокзала делся.

Джеф смотрел на него прищурившись, но молча. Сама Эмма его не интересовала. Просто в её духе закрутить какую-нибудь интрижку, чтобы все вокруг задавались вопросом: что же ей нужно? Знакомая технология.

Хартли потоптался рядом, словно ожидая от него вопросов.

– Спрашивала твой телефон сотовый, она-де дозвониться до тебя не может. Я ей не сказал, что у тебя его нет.

Ясно, интрижка. Знакомо: соврать, что звонила, хоть и не собиралась. Поговорить со всеми знакомыми, чтобы быть в курсе новостей. А потом напасть. Вся техника шантажа как на ладони.

Хартли поморщился под пристальным взглядом Джефа.

– Не хотел тебе говорить, да Джу заставила, сказала: позвонит ещё, нарвётся на Ники, брякнет что не то. Лучше, чтобы ты был в курсе. Такие новости, Медведь. Может и правильно: кто предупрежден...

Джеф положил руку ему на плечо. Легко сжал пальцы.

– Благодарю. Подумаю.

– Если что надо, ну ты знаешь...

Джеф усмехнулся.

– Спасибо Джулии скажи.

Он проводил их глазами, задумчивый и что уж скрывать, расстроенный. Поистине, день рождения – самый неприятный день в году. Одни огорчения. С утра – Майк. Ну это лад-

но, родственников не выбирают. И дальше всё было вполне неплохо, благодаря присутствию Ники. И тут под завязку – на тебе. Только этого ему и не хватало. Николь подошла, расцепляя с Норой на ходу руки, обняла его за пояс, прижалась к нему.

И Джеф сразу ощутил поток спокойствия, текущий сквозь неё. Они одновременно помахали отъезжающим машинам, в которых редким лесом колыхались детские ручонки. Джеф взглянул на Николь. Она явно вымоталась сегодня, но её утомлённость читалась только в глазах. Кто бы мог подумать, что Ники окажется так популярна среди диспетчерской малышни?

– Устала? – Спросил он уверенный в её ответе.

Николь потянулась, прижатая к его боку и Джеф почувствовал кожей, как обозначились её ребра при вдохе.

– Не то слово. А ведь нам ещё ехать ко мне! Там тоже вечеринка накануне события.

– Ох, – спокойно сказал Джеф. Точно, завтра день Всех Святых. Слова Харта не выходили у него из головы. Не стоит Николь расстраивать безрадостными мыслями о чьих-то завистливых интригах, – я и забыл.

– Врунишка! – Со смехом закричала Николь, потому что он взял её на руки и понёс в дом. – Разве ты способен что-то забыть?

– Правильно, – согласился он. – Я и о бассейне помню.

– Молодёжь, – радостно отметил Майк, лежащий в гости-

ной на диване под музыку Рахманинова. – Ар! С каких пор ты слушаешь "Вечную молитву"?

– А что, ты полагаешь, я для этого слишком дик и не развит?

– Перестань, – поморщился Майк, с негодованием.

Джеф осторожно уселся в кресло, посадив Николь на колени. Добавил ядовито, не в силах сдержаться:

– Тебе скоро может представиться возможность пообщаться с более развитой и образованной личностью, которую ты, думаю, до сих пор ценишь, может потому и не женат. – Брякнул и тут же пожалел об этом.

Майк понял мгновенно, напрягся. Сел, воззрившись на Джефа, ожидая пояснений. Николь тоже поняла сразу: что-то не так. Видимо тон его голоса сказал ей слишком много.

– Перестань, – сказала и она, с болью.

И встала с его колен.

Вот идиот! Сколько лет ему ещё учиться сдержанности?!

Господи, какой же идиот!

– Какую отраву тыпил сегодня? – Поинтересовался хмуро Майк.

Джеф подскочил и пошёл догонять Николь, поднимающуюся на второй этаж. Взял за руку. Она позволила, глядя на ступеньки, возле журнального стола остановилась, посмотрела ему в глаза.

– Ну, что с тобой? – Прошептала она. – Всё же было хорошо?

– Прости, – одновременно с ней попросил он. – День рождения.

– Так ты не мне больно делаешь, а ему. Меня ты только огорчаешь. Не разочаровывай меня, Джеф. – Николь повернулась и пошла по лестнице дальше.

Эта фраза его напугала. Он, как привязанный, медленно шёл за ней, а Николь словно не замечала его. Может, и действительно не замечала. Цепляясь рукой за перила, прикрыла левой рукой глаза и лоб и шла себе, словно на ощупь. И Джеф, чувствуя себя потерянным из-за собственной глупости, почему-то не мог спросить её, что с ней.

В спальне она легла ничком на кровать, думая, что хорошо бы сейчас вот так тут и остаться, спать, и никуда не ехать. И что ей вообще делать дома?

Джеф вошёл вслед за ней, посмотрел, как она лежит, накрыв голову ладонью. Постоял у кровати, но она молчала, и он прошёл в гардероб за свежей сорочкой.

– Джеф, – позвала Николь тихо.

Он сразу, одним движением, оказался рядом.

– Ты головную боль снимать умеешь? Не чаем с мятой – не хочу идти на кухню. Я хочу тут лежать и не вставать. И никуда ехать тоже не хочу. И вообще делать ничего не хочу.

Джеф сел на постель, скрестив ноги. Положил ладонь ей на голову.

– Иди сюда.

Николь подобралась к нему поближе, устроила голову на

его колене. Он заставил её лечь на спину, положил ладони на её голову, чувствуя кончиками пальцев нежную кожу её лба. Вскоре привычное ощущение погружённых в горячую воду рук бросило его в жар. Джеф откинул голову назад, заставляя себя сдержаться и не менять положения. И ладони и тыльную сторону рук начали покалывать мелкие иголки, как бывает при недостатке кровоснабжения.

Как же у неё болит голова! Хотелось выдернуть руки из этого поля, потому, что покалывания были почти нестерпимы. Постепенно они ослабели и вскоре пропали совсем. Ладони похолодели, эффект горячей воды словно растаял. Джеф осторожно провёл ладонями по телу Николь и отодвинулся – она спала. Тихонько выбрался из-под неё, осторожно сполз с кровати, чтобы не трясти. Накрыл её краем одеяла. Пусть поспит. Ей сегодня здорово досталось.

Переодевшись, он спустился вниз. Майк колдовал на кухне. Весело шумел чайник – Майк поставил его на очистку воды. На блюде высилась горка сэндвичей.

– А где Ники? – Поинтересовался он, окинув Джефа придирчивым взглядом.

– Ты извини, – сказал неожиданно для себя Джеф, следуя указаниям совести. – А Ники спит.

– Не удивительно, – кивнул Майк, словно и не слышал начала фразы. – Кажется, дети её сегодня хорошо заездили. Интересно, что они так на неё накинудись?

– Дети инстинктивно чувствуют добро, – уронил Джеф,

пожав плечами.

Чайник, свистнув, отключился. В окно заглянуло солнце, высветив закатными лучами тонкие витражные границы в цветной распечатке окна на полу. Джеф, разглядывал его в перевернутом виде и наслаждался. Приятно смотреть на свою работу.

– Как ты с ней познакомился? – Майк вопросом вернул его внимание к себе.

Вопрос почему-то не вызвал раздражения, хотя Джеф заметил, что Майк его намеренно смягчил. Они обоюдно улавливали малейшие оттенки настроения друг друга – сказывались проведённые бок о бок семнадцать лет. Только когда Джеф поступил в академию, они стали встречаться раз в неделю – каждое воскресенье: Майк жил тогда с Лорой в особняке. А когда Джеф получил назначение на Окинаву наступила настоящая разлука. И не будь Эммы, скоро бы закончилась. Всего через три года. Жаль. Она лишила его собственной семьи.

– ЧП в воздухе, – проинформировал Джеф кратко.

Майк кивнул. Ну, конечно, как же ещё? Да, у Джефа явно пропала охота связываться с женщинами после общения с Эммой. Было интересно, как так получилось, что он настолько доверяет Николь: Майк сам видел, как она входила в особняк. Раз Джеф отдал ключи – ну, это совсем край. Значит, жениться собрался. Нашёл себе помоложе, надеюсь, что молодая не обманет? Напрасно, все женщины одинако-

вы. Хотя Майк, как истинный романтик, готов был признать существование исключений. Всё же есть в ней что-то – спасла же она сегодня его костюм.

– Спасибо тебе за подарок, – помолчав, поблагодарил Майк. – И за извинение. Я не сержусь и не обижаюсь. Можно узнать, что ты имел в виду?

– Эмма Крюгер звонила.

– Тебе? – Изумился Майк.

– Нет, в "башню".

Майк помолчал, доставая для обоих кружки. Налил чай, поставил перед Джефом блюдо с сэндвичем. Потом сказал:

– Думаю, она до тебя доберётся. Наверное, пронюхала, что у тебя кто-то есть.

Джеф промолчал в ответ: с Майком оставалось только согласиться. Посмотрел на сэндвич. Вот чёрт. Знает Майк, что проще всего его поймать на желудке. А, ладно! Он плюхнулся на стул, где обычно сидела Николь, положил руки на спинку и подбородок на руки.

Почувствовал словно дуновение из детства, вернее отрочества, промелькнуло где-то внутри или между ними: когда вот так же Майк стоял на этой кухне двадцать лет назад и готовил сэндвичи для Джефа перед первой поездкой в академию. Джеф тогда получил приглашение на экзамены. Такой же подтянутый седой философ, каким он был и сейчас. Джеф чуть потрянул головой, отгоняя картинку прошлого. Глотнул чай. Эту странную привычку – пить горячий чай, Майк то-

же подцепил где-то в своих разъездах. И приучил Джефа с Лорой, хотя себе всегда чай разбавлял водой, чтоб не обжигаться. Джеф откусил от сэндвича, наблюдая удовольствие в складке губ Майка. Ему всегда приятно было, когда Джеф и Лора поглощали его нехитрую стряпню. Вздохнул, залил проглоченный кусок чаем. Воспоминания толкают в эмоциональную неустойчивость.

Взглянул на Майка. Тот стоял с графином воды и стаканом в руках, облитый цветными пятнами света, смотрел на Джефа. Весь какой-то несчастный. Ничуть его не развеселила сегодняшняя тусовка. Не нашёл себе счастья Майк за эти годы.

– Ты тут меня за подарок благодарил, – начал Джеф осторожно. Помялся. Майк ждал. – Сделай ответный жест, – он проследил глазами медленный Майков кивок, досадуя про себя: и тут без издёвки у него никак. Ну, чтобы не сказать "подарок". – Ответь честно: ты, когда с Эммой в постели резвился, из каких побуждений действовал?

Майк замер. Несколько раз открыл рот, потом глотнул воду прямо из графина.

– Ух, – сказал он. – Откуда уверенность?

– Вычислил, – прищурился Джеф.

Майк помолчал снова.

– Она себя предлагала. Я воспользовался по пьянке. Идиот: ни любви, ни симпатии. Мне жаль.

Джеф кивнул.

– Очень жаль, – повторил Майк. – Я лишил себя семьи.

Джеф с невольным стоном сцепил задрожавшие пальцы, пряча лицо в развернутых ладонях. А он-то думал, что если бы проглотил ту горькую пилюлю, то у него все эти годы была бы семья. Как они похожи, чёрт, как похожи.

Родственники!..

– Привет, – сказала Николь, входя.

Джеф сразу поднял голову. Интересно: слышала и решила притормозить дальнейшие его вопросы или так, случайно? Её чуткость теперь казалась ему естественной, настолько сильно он чувствовал связь с Николь. Было даже странно, что он так беспокоился раньше из-за этого. Джеф рассматривал её лицо. Она была спокойна. Видимо, то, что она услышала, не расстроило её. Окинула Джефа взглядом цвета морской волны, улыбнулась, потом улыбнулась и Майку. Она выглядела гораздо лучше, хоть и мало спала.

– Я слышу, вы тут прошлое припоминаете? – Сказала она и взяла верхний сэндвич с блюда. Откусила, поочередно рассматривая обоих. Приподняла руку с куском, потрясла ею в воздухе, поинтересовалась:

– Кто автор?

– Я – сказал Майк, потому, что Джеф, глядя на неё, забыл ответить.

– Съедобно, – насмешливо сказала Николь. – Совсем мастер.

– Ещё чего! – Нарочито возмутился Майк. – Да это луч-

шее, что я умею готовить! Не "съедобно", а бесподобно!

Николь засмеялась, глотнула чаю из кружки Джефа и устроилась на одной отставленной его ноге. Он обхватил её за талию, чтобы ей было устойчивее. Майк наблюдал за ними, размышляя. Скользил глазами сверху вниз по обоим, отмечая мельчайшие детали.

Почему-то Николь явно он не стеснял, она при нём была так же естественна, как и с Джефом, чего с ней никогда не случалось дома. Вот так всегда. Стоило только подумать Джефу о её доме, как она почувствовала – вздохнула, сказала:

– Нам пора ехать.

– Пожалуй, – сникая, согласился он.

– И никак нельзя задержаться? – Поинтересовался огорчённый Майк.

– Завтра праздник, – неопределённо объяснила Николь.

– Очень рад был знакомству, – тихо сказал Майк.

Николь протянула ему руку, и он осторожно поцеловал её, коротко скользнув глазами по Джефу, словно спросив взглядом. Николь вдруг положила вторую руку ему на голову, пока он не успел разогнуться, и Джеф, напряжённый, увидел, как она потрепала Майка по волосам. Сказала, изумляя их обоих:

– Мне очень жаль, что между вами какие-то трения. Я же знаю, что вы любите друг друга.

Уже с машине он спросил её:

– Ты слышала, о чём мы говорили с Майком?

– Думаю, я слышала достаточно, – тихо и непонятно ответила она. – И видела.

– А что ты видела? – Заинтересовался Джеф.

– Как он смотрит на тебя.

– Как?

– Как смотрела на меня моя мать в больнице за двое суток до своей смерти. Больше я её не видела. Никогда, даже во сне.

Это не стоило продолжать. Это было слишком тягостно.

32

Но Джеф, уже почти выехавший за ворота, неожиданно для себя, остановился. Повернулся к ней, разглядывая её. По его пониманию, Николь должна сейчас плакать в три ручья, а она ничего: сидит спокойно, смотрит на него. Не скажешь, конечно, что слишком весёлая, но и не печальна.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – Спросил он, озадаченный. – Как мне с ним поступить?

– Прости его. Он тебе всё отдаст, он тебя любит. Ему плохо без тебя. Он бродит вокруг твоего дома, не решаясь войти, с утра и до позднего вечера. Думаешь, я его раз видела? Я его вижу постоянно, он только заговорил сегодня впервые. Когда он смотрит на тебя – у него глаза больные. Не тебе казнить его за ошибки, он сам себя казнит.

Он отвернулся, глядя в никуда сквозь ветровое стекло:

– Ты не знаешь Майка.

– Знаю. Его и так видно. Как Стива. Или Нору. Или детей – он весь прозрачный, понимаешь? Чем больше ты его отталкиваешь, тем больше он себя казнит. Сейчас он как Иуда Искариот: в нём много гордыни: он не может простить себя. Его может утешить только прекращение твоих страданий – он за тебя боится. Мне так показалось. Не травмируй его больше. Не надо. Смотри, он и так весь поседел.

Её сочувственно-просительные интонации заставили его усмехнуться.

– Он давно седой, – задумчиво сообщил Джеф. – Он поседел, когда умирал дед, двадцать шесть лет уж тому. Боже!

– Что? – Испуганно спросила Николь.

– Сколько прошло лет, Боже! – Почти с ужасом сказал Джеф, глядя на неё. – Поистине, день рождения самый мерзкий день в году. Жаль, что я о нём ребятам рассказал.

– Хорошо, что рассказал, – не согласилась Николь.

Помолчала. Потом засмеялась:

– Мне осталось только начать рассказывать тебе как ты хорошо выглядишь, как старой даме в доме престарелых.

– Спасибо, – засмеялся и Джеф.

Ночная тьма застала его в машине, охваченного сумасшедшей идеей. Загнав "бьюик" в гараж, он прошёл было к первому попавшемуся телефону, но по дороге повернул в библиотеку: разве вспомнишь так, сразу, то, что нужно?

Набрал найденный для проверки полузабытый номер, потряхнув телефонную книгу, сброшенную на диск. Достала его эта жизнь. Неуютно. Надо что-то изменить. И все эти поездки в задумчивом одиночестве, по три часа на дорогу туда-обратно. К чёрту!

– Брендон. – Услышал он и сказал:

– Логан! Это Джеф Коган, помнишь ты меня?

– Тебя забудешь, чёрт. Ты когда звонить вовремя научишься?

– Никогда, старого медведя новым фокусам не научишь.

Есть у тебя расценки на особняки?

– Пошлю почтой, если ты адрес не сменил.

– Всё как раньше.

– Хорошо. Завтра ящик глянь. Сейчас мне вставать неохота. Что это с тобой, неужели решил со своего кладбища съехать?

– Ты сам-то где сидишь?

– Ладно, ладно! Как там Стив?

– Жив, Баррель, что ему делается?

– Ну привет. – Джеф послушал гудки и положил трубку, изумляясь себе. На кой чёрт ему расценки на особняки? Молиться надо, вот что. Наращиваешь пробег и молишься. И все дела. Точно, совсем он чокнулся, как говорит Ники. Пошёл вверх. Поставив предварительно "Et Si Viellir M'Etait Conte". Размышлял, почему у него на душе было так тяжело вчера. Нежный голос Милен напоминал ему о Николь.

Утро отразилось в мониторе, когда Джеф, поёживаясь в прохладе дома, копался в почте. Что это такое? Может старческая бессонница? Или расчётный центр так подшучивает, выполняя подсознательное решение не тратить время напрасно? Брякнул телефон.

– Коган.

Услышал одни гудки. "Башня"? Вряд ли, они настойчиво звонят. Пойти включить обогрев? Не стоит. Надо прогнать несколько цепочек – сразу согреешься. Джеф пошёл на кухню. Постоял, разглядывая на фоне утреннего сумрака переплетение витражных окантовок. Хорошая работа, жаль только, что напрасная. Хотя, может кому и понравится.

Кофе не хотелось, Джеф очистил пару груш и морковь, вернулся в библиотеку.

Как раз вовремя: снова телефон, опять коротко.

– Коган.

– До тебя не дозвонишься. Так ты решил, что с домом делать собрался?

– Нет ещё, – честно признался он Логану.

– Ну ты даёшь. Где мозги потерял, в пиве утопил, что ли?

– На кой тебе мой дом сдался?

– Как это? Если ты его продаёшь, так быстрее надо, там полное переоборудование придётся делать, и лучше по осени. Или ты полагаешь, его тут же купит местный муниципалитет для музея восковых фигур?

– Ну, смотрю, ты уже настроил планов, – хмыкнул Джеф,

размеренно жуя морковку и усмехаясь при мысли, что он сам давно как восковая фигура и дом продавать не надо. Нужно только открыть дверь для доступа посетителей. – Думать не мешай.

– Так ворочай скорее своими шариками-роликами.

Прогоняя привычно-ритмичный час "до пота, но не до боли", как когда-то учили инструктора, Джеф размышлял. Чёрт его дёрнул звонить Логану среди ночи. Он в жизни раз-ум не ценил, только здоровое предпринимательство.

Джеф приткнул машину на церковной территории – хорошо, что за оградой площадки есть своя стоянка. Поднялся по потёртым ступеням. Камень, побелевший от времени вытерся до желобков в самых неожиданных местах. Пожалуй, стоило бы отремонтировать крыльцо, наверное, старческие нетвёрдые ноги весьма затруднённо шагают тут, если он сам спотыкается. Забавные мысли приходят в голову, раньше ему было всё равно, кто как бродит по какому-то крыльцу. Он встал на правое колено при входе под гулкие своды, повернулся по уже выработавшейся привычке взглянуть на пустой крест. Теперь трепета души этот взгляд у него не вызывал, но если Джеф не оглядывался на него, то чувствовал себя неуютно. Гулкая пустота утра сопровождала его раскатистым звуком его шагов и Джефу захотелось пойти на носках: возле колонны слева от алтаря сидел отец Теодор. Закрыв глаза, сложив руки на груди и откинув назад голову. Он

сидел очень прямо, опираясь спиной и затылком в камень колонны, и весь его вид был словно неживой – так неподвижен он был.

Джеф уже привычно опустился на скамейку в переднем ряду, там хоть и не было подставки, чтобы встать на колени, зато можно сидеть свободно, а не боком. Тед приоткрыл глаза, услышав шаги, улыбнулся Джефу пока тот усаживался, и снова удалился в своё созерцание. Джеф откинулся на спинку и задумчиво окинул храм взглядом. Едва зайдя, возле входной двери, заметил приглашение помочь в уборке перед праздниками. Надо действительно что-то будет сделать. Пары вставленных стёкол, наверное, мало, раз уж он решил стать членом общины.

В тишине и холоде храма сидеть было приятно. Тед вскоре встал, преклонил колени перед алтарём и ушёл в ризницу. Вместо него появился министрант, начавший готовить мессу. Он тихо перемещался в алтарной части: убирал что-то, приносил что-то, двигаясь бесшумно и плавно. Время летело незаметно. Постепенно храм немного заполнился полусонными людьми, пришла Марина. Она устроилась на привычном месте, мягко улыбнувшись Джефу. У него было такое ощущение, что если бы он сидел с закрытыми глазами, всё равно бы понял, что здесь с ним рядом, в церкви находится Марина. Чувствуя её присутствие, Джеф совсем не находил в своём отношении к ней сходства с отношением к Николь. И стоять рядом было приятно, и радость была от присутствия

Марины, и спокойствие, и уют, но она была чужой. Она не притягивала его так, как Николь, не вызывала потребности защиты и ответственности за неё. Хотелось просто почти-тельно и благодарно поцеловать её пальцы и не более. Это было удивительно. И вместе с тем – правильно

Приглушённо звякнул колокольчик. Джеф бездумно поднялся, ощущая опустошение. Стоял, глядя на алтарь, иногда отвечал вместе со всеми то, что уже запомнил. Но сосредоточиться не мог. Перед глазами была Николь. Правду он, наверное, сказал ей, что он маньяк. Какая она красивая! В мозгу всплывали картинки: Николь смеётся в кресле на лужайке. Солнце золотит её волосы. Спящий Бен на её руках – она походила на Мадонну. Джефа словно тряхнуло: кому он тут молится: Богу или Николь?

Слушая и не слушая слово Божие, он размышлял, вскрывая с привычной тщательностью свои душевные нарывы. Придётся раскрыть пальцы. Как ни старайся, против воли никого не удержишь. Помнится, он и Эмме пытался навязать своё мировоззрение. Делал всё, чтобы удержать её, почти силовой тактикой. Правильно сказал Тед: там, где есть принуждение – не может быть любви. Всё равно не удержал, хоть она и соглашалась покладисто с любым его доводом или требованием. Соглашалась, но никогда не выполняла никаких своих обещаний. Как он этого не видел? Может, это просто по молодости у них было такое обоюдное эгоистичное чувство? Да и какое чувство? До сих пор его эта связь ставила в тупик.

Побокую Эмму, не с её проблемами работа. Надо взглянуть правде в глаза. Ему нужна была красивая жена. Да он просто завидовал счастью Стива. Слеплённый идиот. Женился на подружке первой жены Харта, которая до него весьма близко познакомилась со всем авиагородком. Какой он медведь, он осёл, он единственный не понял этого, да ещё и узаконил с ней отношения. Вот и получил семейную жизнь – сверлил дырки в шлеме. Это было не менее весело, чем его вид ночью на кровати, неподалёку от взлётного поля. Он сам виноват в том, что с ним случилось: он всё, что происходило между ним и Эммой, регистрировал сознанием с позиции предоставленного удовольствия. Удовольствие окончилось, как только было собрано достаточно информации. Значит, истинной любви не было – был суррогат. Самообман. Ну и поделом! Что хотел, то и получил. Думать обо всём этом было неприятно, но разговор с Николь после её пьянки, и последующие утренние выкладки Тома навели Джефа на эти размышления. И вместе с тем, здесь, в храме эти мысли не причиняли прежней боли. Может, притерпелся? А может, просто настолько уже всё пропустил сквозь себя, весь пропитался насквозь, что боль души стала просто незаметной, составляющей часть его жизни?

Странно, неужели он продавил наконец это торможение? Когда он спотыкался в своих эпизодах самоанализа раньше, всегда останавливался. Хоть и чувствовал: не конец. Есть что-то ещё. Но достигнутые результаты удовлетворяли и не

было стимулов для дальнейших разборок. А теперь явно ощущалось пространство. Легче шагнуть, легче вдохнуть. Да, видно, продавил.

Месса закончилась, и Марина пересела поближе, поёживаясь.

– Я хотела спросить, – осторожно произнесла она. – Что это вас занесло сегодня сюда такую рань?

Джеф почему-то услышал совсем другое: "Когда это Николь видела вас в таком виде как изображает на своих рисунках?".

Он повернул голову, чтобы взглянуть на неё. Её мысли не угадывались. Ответил кратко:

– Не спалось.

Не объяснять же ей причины, в самом деле! Конечно не спалось, если он не торопясь успел проверить почту, поболтать с Логаном и доехать до прихода к шести утра. Сегодня он даже собственные рекорды по раннему подъёму побил: подскочил в четверть четвёртого. Конечно не спалось. Заснёшь тут, как же! Стоило только Харту упомянуть Эмму.

Самоанализ кого хочешь в бессонницу вгонит. Джеф чуть качнул головой, вспоминая, как на прошлой неделе он крутился от боли после пьянки Николь и их исследований. Интересно, это только он такой чувствительный или у всех так? И через сон боль ничуть не мягче. Но даже тогда бессонница не была такой мощной как сегодня.

– Почему?

– Так, мысли. – Ответил он задумчиво. – Недавно у нас был очень тяжёлый разговор с Николь.

В голове звучало: "если стареть мне предназначено, буду ли я здесь, чтобы любить тебя?" Ники! Он повернулся к Марине, рассматривая её. Сместил для удобства на колено расставленные пальцы левой руки, опустив правую руку.

Марина помолчала, глядя на алтарь. Потом всё же спросила:

– О чём же?

Он смотрел, что она теребит носовой платочек, скручивая уголок.

– О душевных травмах, – ответил честно. Окинул её взглядом, раздумывая, стоит ли расспрашивать о смерти её сестры. Сначала, ещё во время их первого разговора, ему показалось: для неё это прошедшая боль. Но он мог ошибиться, не всё увидеть. Поскольку она молчала, Джеф решил, что видимо и ей эта тема просто так не даётся. Сейчас проверим.

Он спросил негромко:

– Расскажите мне, как вы вышли замуж?

Она изумлённо повернулась к нему.

– Вы об этом говорили с Николь?

– Упаси меня Бог! – Искренне сказал Джеф. – Но я хочу это знать.

– Банальная история, – пожала плечами Марина. – Я была влюблена в Тома, а потом ко мне однажды пришла моя сестра, которая всегда получала то, что хотела, и рассказала,

что любит Тома больше жизни. И попросила быть подружкой невесты на свадьбе. Разве я могла отказать: она любила его, он сделал ей предложение, при чём здесь было моё чувство? Потом была свадьба, потом родилась Ники, и сестра меня пригласила пожить у них. Том тогда много ездил на всевозможные стажировки. А Ники... – Марина опустила голову, рассматривая свои пальцы. – Она создавала проблемы. Она в детстве была очень слабая. Мама как-то сказала: с ног собьёшься, когда рождаются близнецы. У нас было наоборот: мы вдвоём с Элли сбивались с ног, когда родилась Николь. К ней цеплялись все болячки, какие только можно было вообразить. Том затем начал ездить в разные страны, были приглашения для участия в семинарах и встречах, такие деловые поездки часто требовали присутствия жены. И мы оставались вдвоём с Ники. Она иногда целыми днями плакала, да так жалобно, что у меня сердце разрывалось, и я боялась спустить её с рук. Мне казалось, что она так плачет и так болеет потому, что чувствует себя покинутой. Мне казалось: мы с ней в этом похожи. Когда Ники исполнилось три года, родители настояли, чтобы я вернулась к ним. И мы с Ники уехали. Том не мог оставить работу, и не мог отпустить Элли. Это было очень тяжёлое время. Наверное, я передала каким-то образом Ники убеждение, что нас бросили или выгнали, что мы не нужны. За восемь лет она ни разу не была в доме отца. Том и Элли приезжали иногда на выходные, проведать нас. А когда Элли попала в аварию и заболела, Том

ездил один. Сестра вернулась, когда ей стало совсем плохо. Тед тогда приехал на каникулы и очень поддерживал меня. Потом, после её смерти, буквально через полгода я вышла замуж, хотя отец был недоволен тем, что мы не выдержали годовой траур. Мне казалось, Ники хотела этого. Она спросила: "меня теперь увезут?". Я сказала, что да, у неё есть папа, он её любит. Она так заверяла меня, что одна, без меня, просто умрёт, что мне становилось страшно. И я поехала с ней. Если даже не я её родила, всё равно – она моя, поскольку мне это материнство дорого досталось. Но иногда мне кажется – я её люблю недостаточно, потому, что я и о себе заботилась, ведь вышла же я за Тома, – она замолчала, тяжело вздохнув.

С какой стати она ему всё это рассказывает?

Джеф неожиданно взял её безвольную руку с колена и поцеловал. Пальцы у неё были ледяные.

– Спасибо.

Марина удивлённо хоть и коротко взглянула на него. Но руку не отняла и Джеф, глядя на алтарь, грел её пальцы в своей ладони, думая о том, как раньше жилось Николь.

– Вы счастливы? – Наконец спросил он, поворачиваясь к ней.

Марина некоторое время смотрела на него, медленно сводя брови домиком. Нет, как они всё-таки с Николь похожи! Она смотрела на него озадаченно, хоть и несколько возмущённая откровенными вопросами. Разглядывала, словно

изучая, его движения: как он спокойно отпускает её руку, берёт вторую и так же греет, глядя прямо ей в глаза, спокойно и серьёзно, явно ожидая ответа.

Руки у него были большие, твёрдые, горячие. Он то чуть крепче сжимал её пальцы, то чуть отпускал, отчего Марине вдруг стало тревожно.

– Не знаю, – наконец промямлила она.

– Надо знать, – в его голосе промелькнула жёсткость и Джеф сам одёрнул себя за это. – Люди часто просто не умеют быть счастливыми, потому, что не могут оценить преимущества того, что имеют. Быть счастливым нужно учиться. Я спрашиваю вас о счастье не просто так, меня интересует, какую любовь к себе и между вами видит дома Николь?

Поскольку она молчала, он продолжил:

– Ребёнку, например, часто даже не нужно, чтобы его любили, ребёнок так умеет преломлять мир в своём сознании, что почти самодостаточен. Но ребёнку необходимо видеть любовь к друг другу самых близких для него людей. Это формирует психику, помогает правильному развитию. Я хочу знать, что толкает Николь из дому? Не скажу, что это плохо для меня, я рад, когда она со мной, но думаю – это плохо для Николь, и очень, хоть она уже давно не ребёнок.

– Боюсь, мы упустили время для формирования её психики, – снова вздохнула Марина.

Ей захотелось плакать. Нервирующие вопросы царапали душу и оттого было грустно. Что время ушло и теперь ниче-

го не исправить. Неожиданно Марине стало тепло и Джеф тут же отпустил её руку, словно почувствовал. Теперь она вполне поверила, что он помогал Ники. Странно всё это.

Он откинулся на спинку скамьи, уронив руки на сиденье и разглядывая по частям детали алтарной части храма.

– Думаю, да, – наконец согласился он, роняя слова отстранённо. – Николь давно уже созревшая личность, знающая и меру ответственности, и глубину боли. Не сожалейте об этом, прошлое не должно надирать душу, оно ушло и нет его власти над вами. Детство заканчивается у всех, раньше или позже, и его уже не вернуть. Принимайте взрослую личность такую, как она есть.

Он ещё сидел на скамье, удобно расставив ноги, даже когда Марина ушла, сказав, что у неё много дел и её ждёт Том. Сидел, смотрел на огонёк возле дарохранительницы, ощущая пустоту внутри. Не об этом молчании внутри говорила Николь?

В конце концов сумел собрать вместе разрозненные кусочки впечатлений и фактов. Сложил на задворках сознания, чтобы подумать потом. Пошёл к настоятелю: одному, даже здесь, сидеть стало просто совсем невозможно. В ризнице, у окна, отец Вильгельм, почти невидимый за кипой бумаг, улыбнулся ему. Его словно не удивил столь ранний визит, а может, он просто видел Джефа на мессе и ждал, что он зайдёт.

А может, и сам позвал: **о н** – мог.

– О, хорошо, что вы пришли, Джеф! Я могу вас так называть? Помогите мне немного. Нужно разложить это по страницам.

Кипа растаяла неожиданно быстро, словно в присутствии настоятеля время просто остановилось – такой он был неспешный и радостный, распространяя вокруг себя успокоение и надёжность.

– Ну, молодой человек. Готовы теперь вы продемонстрировать мне ваши знания? Я вас чуть-чуть отвлѐк.

– Не знаю, – искренне признался Джеф, никак не ожидавший такого хода. – Надеюсь.

– Тогда поехали. Символ веры на память расскажете?

– Верую в Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли. И в Иисуса Христа, единственного Его Сына, Господа нашего: Который был зачат от Духа Святого, рождѐн Девой Марией, страдал при Понтии Пилате, был распят, умер и погребѐн; сошѐл в ад; в третий день воскрес из мѐртвых; восшѐл на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего: оттуда придѐт судить живых и мѐртвых. Верую в Духа Святого, Святую вселенскую Церковь, общение Святых, прощение грехов, воскресение плоти, жизнь вечную. Аминь.

– Аминь – согласился настоятель. – А какой это был символ веры?

– Апостольский.

– Ладно, – снова согласился отец Вильхельм. – А какой символ веры мы читаем на мессе?

– Никейский. – сказал Джеф, думая, что на вопрос: почему он так называется – он точно не ответит. Но отец Вильгельм, кивнув, ответил сам:

– Да, принятый на Никейском соборе в 325 году. – И сразу спросил другое:

– Десять Божиих заповедей?

– Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. Святи День Господень. Почитай отца твоего и мать твою. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не свидетельствуй ложно против ближнего твоего. Не пожелай жены ближнего твоего. Не пожелай имущества ближнего твоего.

Настоятель улыбнулся, и эта сияющая улыбка словно осветила всё вокруг: и затемнённую ризницу, в которой горела только настольная лампа, и стол, у которого они сидели, и самого Джефа.

– А что есть заповеди любви?

– Две первые заповеди из десяти, касающиеся Бога.

Настоятель согласно кивнул.

– Тогда назовите все таинства.

– Всего семь. Крещение, Миропомазание, Евхаристия, Покаяние, Соборование, Священство и Брак.

– Дары Святого Духа?

– Мудрость, разум, совет, крепость, ведение, благочестие, страх Божий.

Джеф оттарабанил это, вспоминая, как на библейской

группе спорили о том, что значит выражение "и всех объят страх", когда они читали отрывок из евангелиста Луки о том, как Иисус воскресил единственного сына у вдовы Наинской. Джефа тогда поразила мысль, что Иисус, делая свои чудеса делал их для всех, даже если эпицентром его чуда был какой-то конкретный человек. И каждый получал от него благодать. Это просто не приходило в голову раньше. Казалось бы – ну чудо и чудо, ясно, что оно предназначено кому-то конкретному. Но что такая сила разом накрывает всех... И как это кто воспримет, зависит от самого человека, каждого оказавшегося в этом круге чуда.

Настоятель засмеялся и Джеф было предположил, что допрос окончен. Но тут последовала следующая подача:

– Условия таинства покаяния?

Оп! Что-то этого он не помнил. Джеф постучал пальцами по столу, размышляя, что же нужно для исповеди.

– Испытание совести, сожаление о грешном поступке, намерение исправиться, исповедь.

– Твёрдое намерение больше не грешить, – поправил его отец Вильхельм и добавил: – а последнее условие – удовлетворение за грехи Богу и ближнему?

И ближнему? – изумился молча Джеф.

– Так, – улыбнулся отец Вильхельм. – Чем бы вас ещё озадачить? Перечислите-ка мне радостные тайны Розария.

– Благовещение, Посещение Елизаветы, Рождество, Сретение, Нахождение Иисуса в храме, – быстро сказал Джеф,

опираясь на то, что он исправно читал последний месяц.

– Скорбные?

– Борение в Гефсиманском саду, Казнь, Увенчание тернием, Крестный путь, Распятие.

– Славные?

– Воскресение, Вознесение, сошествие Святого Духа, Успение, Коронация.

– А что такое розарий вообще?

Вопросы следовали один за другим, не давая задуматься, навязывая свой ритм. Джефа это устраивало.

– Образно говоря венок из роз, только вместо роз плетётся венок из молитв. Это, так сказать, поэтическое обозначение сущности. Собственно, к мысли повторять молитву "Радуйся, Мария" привёл почитателей Пресвятой Девы Марии обычай украшать Её изображения венками цветов. Розарий – форма молитвы по чёткам. Ряд прочитанных молитв "Радуйся, Мария" должен был образовать венок более ценный, чем венок из цветов – духовный. Изобрели его, собственно, для чтения псалмов. Поскольку их всего сто пятьдесят, то соответственно на каждой бусине читали по одному псалму. Потом вместо псалмов стали читать Отче наш, это было удобно для неграмотных людей, а позже заменили на "Радуйся Мария" и разбили по декадам. В двенадцатом веке эту молитву стали называть "Псалтырь Девы Марии". Доминиканские монахи сопоставили каждой декаде одно событие из жизни Иисуса и Марии, хотя легенда гласит, что Розарий,

как форма молитвы была дана святому Доминику самой Девой Марией. Розарий не изменялся более 400 лет. *

*(в 2000 году к Розарию были добавлены ещё Светлые тайны: Крещение Иисуса, Чудо в Кане Галилейской, Проповедь Царства Божия, Преображение Иисуса, Установление Евхаристии – примечание автора)

Рассказывая это, Джеф видел перед собой весёлые глаза Николь, когда она стояла перед ним, пропуская в сжатой руке свои чётки. Невольно он сам сунул руку в карман, чтобы ощутить эти чётки пальцами. Отец Вильхельм выслушал его, иногда кивая и сказал:

– Рад вашему продвижению. У вас сегодня утром, кажется, катехизация? Помнится, тут уже маячил отец Теодор, наверное, я вас задержал. Идите Джеф, идите, а то ваш лектор укажет вам на опоздание, – отец Вильхельм лишь посмеялся, наблюдая, как Джеф выскочил из ризницы, торопливо попрощавшись. Ещё бы, никто не хочет пропускать лекции Теда.

Отец Теодор действительно уже начал свой урок, но только-только. Слева тесно стояла маленькая группка людей, впереди высилась его худошавая фигура. Джеф, шагая из пресвитерия, слышал, как гулко разносятся под сводами слова молитвы.

Не задерживаясь, Джеф прошёл вперед, поближе: все-таки он опоздал.

Едва он встал у скамьи, как молитва кончилась, и слушатели начали рассаживаться по местам. Теодор ничего не сказал Джефу, лишь легко улыбнулся, как утром.

– Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф! – Сказал, не сядясь Оскар и все поспешно подскочили снова, что, кажется насмешило Теодора, но он сдержал улыбку. Опять Оскару досталось чтение молитвы. Джефу тоже стало смешно, и он с улыбкой повторил вслед за всеми: – Полны небеса и земля славы Твоей. *Veni, Sancte Spiritus!* Сердце Иисуса, верую безгранично в Твою любовь ко мне! Дыши во мне, Святой Дух, чтобы думал я о святом,

Побуждай меня, Святой Дух, чтобы я делал святое,
Мани меня, Святой Дух, чтобы я любил святое,
Укрепи меня, Святой Дух, чтобы я берёг святое,
Храни меня, Святой Дух, чтобы я никогда его не утратил.
Теодор, улыбаясь, оглядел те несколько скамей, занятые его группой, пока его слушатели усаживались обратно. Шелестели своей одеждой, пакетами, бумагой, щёлкали застёжками сумок и папок – звуки словно поднимались в храме, плавали в воздухе, оформляя тишину.

– Ну что ж, доброе утро, дорогие мои! Как я вижу все уже проснулись. Тогда – приступим. Остаётся только поблагодарить нашего Оскара за интересный выбор молитвы. – Теодор, приложив руку к груди, чуть поклонился в сторону подростка.

Джефу было видно, как тот степенно кивнул. Теодор продолжал:

– Кстати, молитва эта принадлежит святому Августину. И это очень символично, начать сегодняшнюю нашу встречу с такой молитвы. Почему? Да очень просто! Кто-то помнит что-нибудь о святом Августине? Ну? – И он оглядел всех. – Что молчите-то?

– О нём святая Моника молилась шестнадцать лет, – объявил кто-то.

Джеф с интересом наблюдал за этой странной лекцией. Тед сегодня слегка взвинченный, что ли?

– Правильно. Что же ещё делать матери, как не молиться о своём ребёнке? А ещё?

– Августин – учитель церкви, – раздалось сбоку от Джефа и тут же добавили:

– Один из четырех великих учителей.

– Грешник он был, – выкрикнул насмешливый Оскар.

– Все мы грешники, – засмеялся Теодор. – Ладно, не буду вас испытывать. Вижу, вы и так знаете основное. Святой Августин в молодости вел языческую жизнь и увлекался различными философскими течениями, в том числе и манихейством. Как учитель ораторского искусства – много переезжал, а за ним ездила его мать и всё время молилась о нём. В тридцать три года, после встречи со святым Амвросием, он принял крещение. Его мать умерла вскоре после этого. Августин через четыре года принял священническое руко-

положение и вскоре стал епископом Гоппоны. Никто святым не рождается, я вам это говорил и повторю снова. Для этого нужен кропотливый труд, духовная работа, способствующая возрастанию святости. Вы правы, святой Августин был очень грешным, и никто не разработал глубже его науку о грехе. Он имел большой опыт греха. Нет, не так: он был подвержен греху. Он – автор классических, по сей день употребляемых определений греха. Посмотрите! – Теодор вдруг широко развёл руки, словно обводя ими всё вокруг. – Что нас окружает?

Он сделал небольшую паузу и снова засмеялся, глядя как его слушатели начали вертеть головами, оглядывая стены храма и пытаясь угадать, что он имеет в виду. Джеф поставил пошире локти на крышку скамьи, опёрся подбородком на большой палец левой руки. Следил глазами за Тедом, не шевелясь, чтобы не скрипеть.

– Дом, быт, близкие люди, работа, обязанности. Это наша жизнь. Каждодневные искушения, каждодневные преодоления. Если вы припомните наши первые лекции, когда мы разбирали некоторые вопросы антропологии – мы рассуждали о первородном грехе. Не переживайте.

Он успокоительно положил руку на плечо какой-то дошной студентке, листающей лежащую на коленях тетрадь.

– Я напомню. Человек злоупотребил своей свободой и ослушался заповеди Божией, он уподобил себя Богу и утратил его благодать. Гармония между двумя людьми была разрушена, власть духовных свойств души над телом была раз-

бита, и смерть вошла в мир. Так?

– Так, – согласно покивали писавшие.

Отец Теодор двинулся неторопливым шагом вокруг собравшихся, шагая вдоль скамей, дошёл до середины и остановился.

– Скажите-ка мне, что есть грех? – Спросил он неожиданно и внимательно оглядел всех, хитро улыбнувшись. – Опять молчите?

– Грех это плохо, – раздался тонкий голос с первого ряда.

Все засмеялись. И уши, и шея у сказавшего это мальчишки покраснели, даже запламенели.

– Разумно, – энергично кивнул их сверхдеятельный сегодня лектор. – Кто ещё что скажет?

– Последствие первородного греха, – сказала девушка рядом с Джефом.

– Не могу не согласиться и с вами, – легко поклонился Теодор. – И это тоже верно. А какие вы мне можете предложить определения ещё, помимо сказанного? Что же это такое: грех? Чем он является для человека? – Он огляделся.

– Болезнью, – неожиданно для себя выдал Джеф, вспомнив то, что однажды сказала Николь.

– Весьма признателен! – Воскликнул отец Теодор, моментально развернувшись к нему и выставив поощрительно большой палец вверх, чем рассмешил Джефа. – Вы, дорогой друг, помогли мне подогнать нашу сегодняшнюю карету к очень интересной остановке!

Он плавно пошёл в обход аудитории в обратном направлении. Дошёл почти до ограды, отделяющей алтарную часть храма, и остановился, оглядывая всех. Его движение, вроде было неторопливым, но в его жестах жила столь высокая порывистость, что казалось, энергия бьёт из него ключом.

– Сегодня на проповеди было кое-что очень интересное сказано, если кто припомнит. Проказа сравнивалась с грехом. Как знаете из истории, проказа такое заболевание, при котором теряется чувствительность нервных окончаний. Человек болен, но он не чувствует боли. Он может обжечься, как заметил это однажды у себя святой Дамиан, полив собственные ноги кипятком, и при этом ничего не ощущать. Что делает грех с человеком? Отдаляет его от Бога. Делает не чувствительным к чужой боли, к чужим бедам, закрывает "сострадательные глаза души". Посмотрите, прослеживается прямая связь греха и проказы: грех как проказа разъедает душу. Это есть одно из определений греха святым Августином: грех – отступление от Бога. Обращение к животному началу в человеке. В этом бунт, противопоставление себя Богу.

Джеф был согласен с этим. Основная проблема человека – проблема силы. Человеку нужно всё и побольше. Больше силы, больше власти, больше денег. И когда он обретает желаемое, оно быстро становится привычным, обесценивается, перестает радовать. Может, и в нём говорит такая же жадность?

Что он будет делать, когда привыкнет к тому хорошему, что снова обрёл в жизни? Да сдохнет, но ценить не перестанет, он был в этом уверен. Сам себя удушит, если поймет, что появились несоответствующие неодолимые желания!

Задумавшись об этом, Джеф, сам того не замечая, начал водить указательным пальцем по переносице. Теодор присел на прикрытую крышку скамьи неподалеку от него, явно чтобы было всех видно и продолжил:

– Чтобы немного проще нам было понять грех, мы начнём с вами с простого. С поступка. Что есть поступок вообще? Теологи делят просто – они, надо сказать, в этом плане большие мастера. Им только дай человека по полочкам разложить. Итак, поступок. Их можно обозначить двумя видами: "actus hominis", то есть поступки, производимые бессознательно. Например, людьми психически больными или под действием психотропных вещей, детские поступки и даже дыхание наше. А второй вид – это уже серьёзно. Это "actus humanus", поступки сознательные. К сожалению первородный грех породил беспорядок в человеке: чувства не подчиняются воле легко и часто просто овладевают ею. Когда Джеф чешет нос на лекции, в нём "hominis" давит "humanus".

От неожиданности Джеф внутри себя вздрогнул и приподнял кончик левой брови, заинтересованно поглядев на Теодора. Ну-ну. Значит бессознательное давит сознательное? В его-то случае – точно. Сразу вспомнились все эти трудности перехода от твёрдых фонем к лёгким и совме-

щение речи с действием. Но Теодор сказал это с такой комичной серьёзностью, что не засмеяться было невозможно. Джеф тихонько фыркнул и рассмеялся. Общество весело расхохоталось, молодежь заглядывалась на Джефа.

– Я должен поблагодарить Джефа. Он присоединился к нам позже всех, но всех оставил позади своим пониманием сущности греха. Так что если захотите списывать – вперёд.

Джеф снова про себя рассмеялся. С этим можно было поспорить – всё его понимание обеспечила Николь. Положительно, Теодор нравился ему всё больше и больше.

– Но мы немного отклонились. Всякий ли поступок есть зло? Люди часто говорят: необходимость заставила, оправдываясь таким образом. Для начала замечу: если бы все поступки человека были вызваны необходимостью, не стоило бы говорить об ответственности. Вопрос – зачем нам, полноценным личностям, представлять свои поступки как неосмысленные? Способность воли выбирать добро с помощью благодати или зло без помощи благодати – вот что отличает нас от животных и младенцев. Свобода выбора. Она, конечно, относительна, поскольку находятся препятствующие внешние или внутренние факторы. Но, нравится нам это или нет, мы должны решать сами, как нам поступить и должны быть ответственны за те поступки, которые совершаем, хоть и соразмерно с влияющими факторами. Наши внешние поступки могут быть весьма просты: перейти улицу – это тоже поступок. Иногда меня спрашивают: а как же убийство?

Грех, но солдат на войне обязан выполнять приказ. Это и есть соразмерность с влияющими факторами. Если помните, в Евангелии от Иоанна: "потому более греха на том, кто предал Меня тебе". (Ин. 19,11) На это же, кстати, указывает и евангелист Лука: "А который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут." (Лк 12,48) Раз мы дошли до ответственности, значит, пора признать, что если есть познание и воля, осознание поступка, желание и сила сделать его – тогда действует "actus humanus". Человек разумный, знает, что делает и делает это во внутренней свободе. А вот тут и возникает тема сопутствующих факторов. Препятствие, какое оно бывает при совершении поступка? Конечно, нормальное препятствие и не нормальное, как такое иначе обзовёшь?

Молодёжь в разных местах снова засмеялась.

– Правда, – улыбнулся и Теодор, – ненормальное препятствие очень простая вещь: проблема рассудка. Если личность недееспособна, тут трудно ждать разумного поступка. Душевная болезнь отменяет свободу действия у человека. Сюда же можно отнести и неврозы, депрессию, нервное переутомление, истерию и слабость воли. Какое из состояний ни возьми – любое не даёт человеку свободы для принятия решения. А вот нормальные препятствия для совершения поступка – это дело обычное и каждый из нас сталкивается с подобными вещами регулярно. Их всего пять: неведение,

страсть, насилие, дурные привычки и ложные убеждения.

Теодор на минуту замолчал и оглядел свою, притихшую теперь, аудиторию. Словно задумался на какое-то мгновение.

– Ну что, всё понятно или растолкуем каждый пункт?

– Растолкуем, – попросил тихонько кто-то с переднего ряда.

– Растолковать? – Засмеялся Теодор, вопросительно подняв брови. – Думать не хотите?

Он медленно прошёлся вдоль первой скамьи, словно размышляя, стоит ли объяснять такие очевидности. Резко остановился, потёр ладонями предплечья и Джефу показалось, что он замёрз.

– Да запросто! Итак, неведение. Оно бывает о двух видах: неодолимое и преодолимое. Неодолимое неведение, физическое и моральное – штука трудноисполняемая. Для того чтобы оно присутствовало, нам нужно срочно оказаться на необитаемом острове или находиться от людей на расстоянии, не преодолимом моральным усилием: кричи – не кричи. С современными техническими достижениями человечества согласитесь – это почти нереально. Если только аккумулятор сядет.

Некоторые сразу весело задвигались, переговариваясь. Предложенные примеры явно возбудили все романтические устремления тинэйджеров. Они зашевелились и под сводами церкви прошелестел крепкий шумок, дробясь на звон-

кие молодые голоса. Теодор замолчал снова, посмеиваясь и предоставив им возможность вообразить такие ситуации.

– Преодолимое неведение есть тоже лишь двух видов: мнимое и действительное. С мнимым, думается, всё ясно: наше умышленное нежелание познать закон, чтобы не соблюдать его. А вот действительное непреодолимое неведение и в лёгком и в тяжёлом случае выявляет поверхностность мышления. Церковная теология прошлого гораздо более строга, чем нынешняя в отношении некоторых грехов – что делать, мир меняется. Мы стали более скептичны. Меньше принимаем на веру, чем в средневековье, например. Для осознания греха нам необходима ясность мышления. О разных степенях ясности можно попробовать судить так: скажем, существуют различные ступени зрения: первая – с точки зрения диоптрий, вторая – с точки зрения образования и мировоззрения и третья – с точки зрения внутреннего видения. Что же, скажете нам помогает определиться со грехом: ясность? Да ни в коем разе. Она только помогает осознанию греха. Вот мы ещё поднялись на пару ступенек. Осознание может быть актуальным и виртуальным, соответственно. Осознание виртуальное: просто осознание, что человек поступит так, а не иначе. Ещё это можно назвать предвидением. Актуальное осознание – чисто механическая вещь, проявление всех житейских решений и духовных устремлений. У новобрачных, например, сознание актуальное. Они вступают в брак с определённой целью, не увиливая от своих обя-

занностей. Приведу вам пример. Экскоммуния. Знаете, что это такое?

– Отлучение от церкви! – Выкрикнул кто-то из мальчишек.

– Боже! – Потрясённо сказал Теодор, вытаращив глаза. – Зачем такие радикальности, я возвращаю фанатиков, что ли? Всего лишь лишение причастия, друзья мои, не анафема. Это наказание церкви за грех аборта. Поймите, незнание неодолимое освобождает от ответственности за поступок: свободная воля тут необходима, или свободное решение, если хотите. Женщина пришла в церковь потому, что узнала: аборт это грех. Плачет и кается в совершении аборта двадцать лет назад: "если бы я знала, что он уже человек, я никогда бы так не поступила!" Самое странное, что сейчас можно услышать на эту тему – это фразы вроде такой: "на что мне это знание?, чтобы мучиться осознанием вины?" Как вам это нравится? Человек выбирает сделать поступок. Сразу включается собственная бдительная совесть: простой расчёт, основанный на имеющейся информации, как в шахматах. Предвидение, если хотите. Она подсказывает: предполагаемый поступок плох. Что надо бы узнать подробнее, что это такое. Но что мы наблюдаем в этом случае? Игнорирование знания. Насколько оно глубоко в человеке, скажите-ка?

Теодор оглядел напряжённые лица.

– По какой причине такой феномен вообще происходит? Лень ума или недостаток условий для образования? Как та-

кое расценивать: невежество в отношении к действию или в отношении к субъекту? Если оно одолимое – это связь с ленью ума и игнорированием знания. Значит, это в человеческих силах. Посудите: сама по себе такая фраза (чтобы мучиться чувством вины) означает полное осознание аборта. И дела его. Как хотите, но на мой взгляд – здесь уже проявление любви ко греху. Как же провести эту границу, где – незнание, которое не является виной, а где – незнание уже проявление любви ко греху? Да очень просто: нужно руководствоваться правом. Право Божие – вот самый лучший критерий добра и зла.

Он неожиданно замолчал и прищурился, улыбнувшись. Оглядел мальчишек, которые начали крутиться, переглядываясь. Сейчас они уже садились поближе к друг к другу, явно начав сближаться: действует совместное времяпровождение под руководством отца.

– Скажите-ка мне, – поинтересовался Теодор, – что происходит, когда нет осознания своего поступка? Это вам задачка на окончание нашей сегодняшней встречи.

Ему даже никто и не попытался ответить потому, что он сам сразу же и продолжил:

– Простая вещь: происходит пополнение лёгкого греха. Для тяжёлого греха моралисты считают необходимым полное актуальное сознание. Я предложу вам поразмышлять над схемой в виде домашнего задания. Попробуйте продумать это на одном из примеров своего прошлого. Смотрите, ка-

кая интересная прослеживается связь: грех; разрыв связи с Богом; осознание своего греха; связывание связи, как ниточки, снова; образуется узел. Но зато нить – становится короче. Это конечно абстракции. Но всё равно, думаю, последняя точка вас должна всемерно вдохновить.

Все засмеялись.

– На сегодня мы закончим. Остальные четыре пункта мы с вами разъяснять будем самостоятельно. Я вам тут приготовил некоторые тезисы, чтобы облегчить сей труд. Предлагаю распределить по справедливости.

После катехизации отец Теодор поманил Джефа в ризницу.

– У меня сразу возникает вопрос, – без предисловий сказал Джеф.

Теодор кивнул заинтересованно и поощрительно.

– Ну пошлый совсем вопрос, – приподняв кончик левой брови, сообщил Джеф.

– Если ты не будешь задавать вопросов, пусть даже глупых на твой взгляд, то как же ты на них получишь ответ: вопросы-то остаются?

– Резонно, – согласился Джеф. – Иисус пришёл в мир и был Богочеловек. Он был Бог. Но и Человек. Со всеми проявлениями человеческой сущности, иначе как бы он узнал, как живётся людям? Так вот. Он испытывал, как человек, и жажду, и холод, и голод, и боль: всё как человек.

Джеф взглянул на отца. Теодор, чуть улыбаясь, кивнул с

лёгким прищуром, но предлагая продолжать.

– А радости человеческие у него были?

– Я понимаю, к чему ты клонишь. Нет.

– Так ты на невысказанный вопрос отвечаешь, или никаких радостей не было?

– Как это – никаких радостей? Жизнь уже радость. А вопрос-то какой? – Теодор смотрел на Джефа с отчётливой усмешкой в глазах.

– Испытывал ли Он в своей человеческой жизни радости секса?

Теодор расхохотался, похлопав его по плечу.

– Ну, ты и впрямь мастер пошлого вопроса.

– Так нет или как?

– Ты придержи свой язычок-то, прихватывай его, чтобы не болтался. И спроси у настоятеля, – посоветовал Теодор, веселясь.

– А ты сам, отче, ты ж катехизатор!?! Что не отвечаешь?

– Нет, – комично вздохнул Теодор, изображая ужас на лице.

– Нет? – Поднял кончик левой брови Джеф.

Теодор явно пытался сдерживать смех.

– Нет не в смысле "нет", а нет в смысле "жаль". Чему я тебя учил? Сказано же: вочеловечившийся Господь Иисус был подобен человеку во всём, кроме греха. Бог – это любовь.

– Ну и как? Значит, он дарил любовь? Ведь он отдавал себя. – Непонимающе сказал озадачившийся Джеф.

– Тьфу, – покивал Теодор и засмеялся снова. – Что из того, что я отец? Мне ещё учиться и учиться, как надо преподавать.

– Ну вот, прилетели, – разочарованно сообщил Джеф. Теодор вздохнул, беззастенчиво посмеиваясь.

– Думай, голова, шляпу куплю. – Вновь похлопал его по плечу и повторил, выделяя каждое слово: – во всём, кроме греха.

– А. – Осенило Джефа. – Он же не был женат!

Действительно, так просто. Он посмотрел, как Теодор хочет над его ошарашенным видом.

– Кстати о прилётах, – сказал Теодор. – Ты ж у нас на колесах, помоги мне кое-какие вещи отвезти? Там, правда, придётся много носить, но всё не тяжёлое.

– Всегда пожалуйста, совсем ненаученный отец, – поиздевался над ним Джеф.

Они, не сговариваясь, встали и Джеф смотрел, как быстро собрался Теодор: накинул куртку, повесил на плечо спортивную сумку. Пока они выходили из храма, несколько человек притягивали отцу руку, прощаясь. И странно, хоть Джеф и торопился, нервно переминаясь неподалеку от Теодора, все эти пожелания "С Богом", не отняли у них много времени. Пискнул, сверкнув фарами "бьюик", отключая сигнализацию.

– Тебя сильно поджимает время или как? – Поинтересовался Джеф, когда они разом усаживались в машину.

– Мне нужно прибыть до трёх. Сейчас два, но это недалеко, у ратуши. Рассчитывай сам, – ронял Теодор, откидываясь на сиденье.

"Хорошо", подумал Джеф, сворачивая к парку. Взглянул на отца. Он сидел, закрыв глаза и откинув назад голову, было даже странно видеть его здесь вместо Николь. Джеф катил по улицам, надеясь, что она не успела ещё уехать. Жаль будет, если Николь уже болтается в автобусе. Он проехал школу. На крыльце было пусто. Обгоняя машины, полетел вперед.

– Ты потише, гонщик. Я доехать хочу, – прохныкал Теодор, открывая глаза.

Джеф засмеялся, торопясь. Впереди шагала Николь, размахивая рюкзаком. Одна, без неизменного Грега.

Джеф коротко нажал на сигнал, и она оглянувшись, остановилась, ожидая пока он притормозит. Джеф почти выпрыгнул из машины, чтобы открыть ей дверцу. Даже не из вежливости, а просто очень хотелось взглянуть на неё поближе.

– У-у, какая тут весёлая компания, – отметила она, усаживаясь. – Слава Иисусу Христу.

– Во веки веков. Аминь, Ники, – поприветствовал её Теодор, повернувшись к ней. – Не ожидал, что сегодня тебя увижу.

Джеф сел за руль, перегнулся назад, подавая ей рюкзак.

– Тебе там удобно? – Извиняющимся тоном поинтересовался он.

– А то! – Согласилась она. – Как вы здесь оказались?

– Заехали за тобой. Я боялся, что ты уже катишь домой.

Николь положила ноги на сиденье. Сказала, потягиваясь:

– Я так устала сегодня. Мы играли в волейбол. Я его терпеть не могу, и мне как всегда попали мячом по макушке. А что вы собрались делать?

– Привезти кое-какие вещи, которые нам передали, – скудно сообщил Теодор и предложил, оглянувшись, – сестрица Николь, может, споёшь нам какую песенку?

Джеф удивлённо оглядел Николь в зеркало, услышав такое обращение, но промолчал.

– Ну вот, как всегда! – Заявила Николь. – Стоит только сказать: устала – и начинается...

Тед фыркнул.

– Ты же в волейбол играла, что ж теперь и петь не можешь?

– О! – Сказала Николь и посмотрела на Джефа.

Он поймал её взгляд в зеркале. Улыбнулся. Он слышал, как Николь поёт только на мессе. Она пела очень чисто и, хоть её голос был не слишком развит, его природный диапазон был достаточно широк и слушать её было приятно. Но может это только его мнение? Джеф не мог себе представить, как другие люди относятся к Николь и наблюдать за её общением с Тедом ему было интересно.

Теодор немного нагнул голову на бок, улыбаясь и поднимая брови.

– Ну, если вы, отец мой, пообещаете подпевать... – чуть помялась она, глядя на Джефа и по-свойски похлопала Теда по плечу.

– Пообещает, – уверил за него Джеф.

Больше ей отступить было некуда.

– Любовью жить – не значит ставить кущи,

Поднявшись даже на гору Фавор.

Это идти на голос Твой зовущий,

Смотреть на Крест не отрывая взор.

На небе радость будет неземная,

Никто не в силах нас её лишить,

Но на земле желаю я, страдая,

Любовью жить, любовью жить.

Голос у Николь сначала немного дрожал, словно она стеснялась петь, но затем понемногу окреп. Песня показалась Джефу несколько мрачной, как мрачным казалось всё, что напоминало о смерти. Теперь ей помог Тед, и эти слова, которые так тревожили Джефа, что он с трудом сдерживал дрожь, обрели большую глубину в дуэте. Их голоса хорошо сочетались, чувствовалось, что это не первая вещь в их совместном исполнении.

– Любовью жить – дарить себя без меры,

Любовь такая не перестаёт.

И я дарю себя с простою верой,

Когда ты любишь, ни к чему расчёт.

Всё, что имела, много или мало,

К Твоим ногам смогла я положить.

Одно богатство у меня осталось -

Любовью жить, любовью жить.

Во всём этом было что-то знакомое. Джеф быстро перетасовал воспоминания. Он уже сталкивался с этими словами. Где? Кто это сказал? Это однозначно было как-то связано с Николь. Пожалуй, это Том высказался – нечто вроде того, что не каждый способен дарить себя без меры, поскольку это довольно трудно. Но даже при всей мрачности сюжета, как ни странно, песня несла некое утешение, может благодаря нежности мелодии.

Голос Николь с его приглушёнными, ненавязчивыми оттенками давал блаженство и рождал радость в душе. И голос Теодора совсем не мешал, наоборот, словно окантовывал хрустальную чистоту её пения.

– Любовью жить и страхи изгоняя,

Забыть ошибки всех минувших дней.

Любовь сильней греха. Она святая:

В короткий миг грехи сгорели в ней.

"Так вот что это за песня!" – наконец понял Джеф. Песня святой Терезы Малой. Боже, Боже! Как примириться со этим?!

О, дивный пламень, посреди горнила,

Где самый жар, мне место приготовь.

И я спою о том, как полюбила

Тебя любовь, тебя любовь.

Он испытывал настоящее мученье, сходное со зрелищем креста на иконах Крёстного пути в храме.

Предопределённость того, что будет, даже если ты меняешь своё будущее – предопределённость всегда есть.

Джеф классифицировал это мученье как страх потерять Николь.

Вечером, после того как он отвёз её домой и потратил два часа на милые светские разговоры за столом во время обеда, он вдруг вспомнил эти слова:

– С любовью жить и умереть я рада,

Чтоб разрешились узы навсегда.

О, мой Господь, Ты станешь мне наградой,

Я не ждала иного никогда.

Тебя увижу и сольюсь с Тобою,

Огня любви уже не потушить.

Мне было так начертано судьбою:

Любовью жить, любовью жить!*

Они всплыли у него в голове, крутились и крутились в мозгах, вызывая какое-то томительное неудовольствие. И Джеф крутился вместе с этими словами на кровати. То натягивал на себя одеяло, то сбрасывал.

Кто сказал, что любовь – это радость? Кто сказал, что любовь – это приятно? Покажите мне этого гада, я его убью.

Пока, наконец, не подскочил, совсем обессиленный размытыми, неоформленными мыслями. Залез под душ, под хо-

лодные струи, постепенно остывая. Потом, как был, мокрый, спустился на кухню за водой. Чёрт. Ну, третья ночь никакая! Постоял, обсыхая и звучно глотая, как Майк, прямо из графина. Ладно. Надо заставить себя спать: завтра в ночь "башня". Вечер не выспавшись он ещё мог отработать, но так – и сорваться недолго.

Джеф поставил себе Жана Мишеля, чтобы поменьше нервничать. Прогнал в очень медленном темпе несколько спокойных цепочек, подходящих для расслабления. Стало лучше.

Он увесисто плюхнулся на постель: теперь – спать. А вот после работы и подумаем. И включил обратный отсчёт.

34

Дом был освещён со всех сторон.

– Я же говорила – празднуют День Всех Святых. – В голосе Николь угадывалась досада.

Когда они вошли в гостиную, их встретили весёлые вопли:

– Вы опоздали к обеду! – С насмешкой, Том.

– О, теперь у нас прибавилась компания! – Радостно, отец Вильхельм.

– Ники, наконец-то! – Укоризненно, Марина.

У Николь сразу испортилось настроение, едва она только вошла и Джеф мгновенно почувствовал это. Их тут же обступили несколько человек и у него разбежались глаза. Сначала ему показалось, что тут много народу, но когда он огля-

делся, обнаружил, что тут всего лишь отец Вильгельм, который хохотал громче всех, незнакомый толстяк и тинэйджер с висячими губами, отглаженный и блестяще-кудрявый. Том тут же представил Джефа обществу. Оказалось, что низенького толстяка зовут Питер Андерсон, а пацана – Райан.

Едва услышав это имя Джеф бессознательно ошетинился, старательно пытаясь изобразить невозмутимость. Всё очарование от присутствия отца Вильгельма пропало. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы быть просто любезным. Николь, оставив его руку, быстро прошла вперёд и уселась у камина рядом с настоятелем. Начала ему тут же что-то рассказывать, коротко взглянув на Джефа. Он почувствовал себя покинутым. Сразу вспышкой полыхнуло озарение: Николь понимает, что в её доме он ей не защитник, а на отца не надеется. Потому и ушла к настоятелю: считает, что только священник может оградить её здесь от посягательств. Что ж, наверное, Джефу можно и убираться. Свою задачу, как шофёр, он сегодня выполнил.

Только вот убраться сейчас было бы неприлично. Том и мистер Андерсон играли в карты в компании с Мариной и подростком. Пока Джефа знакомили с гостями, игра, понятно, приостановилась, и Райан, встав, попытался обойти стол. Отец его дёрнул было его обратно, на что он беззастенчиво окрысился, недовольно сморщившись. При этом у него стало такое мелкое и острое лицо, что Джефу показалось, будто запахло скунсом. Пацан явно был нахальный и без тормозов.

Следующий ход выбросил его из игры, как проигравшего, и он встал, начав слоняться по гостиной. Незаметно дрейфуя в сторону Николь. Джеф, которого усадили в кресло рядом с играющими, тоже встал. Захватил возле окна стул и сел по другую сторону Николь. Задал настоятелю, чтобы обозначить причину перемещения, самый универсальный вопрос, который годится для всех священников, чтобы завязать разговор:

– Простите, я вас перебую. К какому ордену вы принадлежите, отец мой?

Николь расслабилась и даже улыбнулась, окатив Джефа сияющими, на миг посветлевшими глазами. Тинэйджер, подумав, устроился чуть подальше в кресле, почти напротив. Развалился, иронично оглядывая Николь. Его взгляды Джефу однозначно не нравились.

– Во! – Воскликнула Марина, заставив их взглянуть на неё и засмеялась.

– Я не такой мастер рассказывать, как отец Тед, – пояснил отец Вильгельм. – Уж он непревзойдённый оратор на такие темы. Но могу сказать, чтобы у вас в голове не возникло путаницы, Джеф, есть разделение: епископальный священник и орденский.

– Что это значит? – Поинтересовался Джеф.

Николь едва слышно хмыкнула и Джеф засомневался стоило ли таким образом внедряться в их беседу. Вот он – сидит теперь и демонстрирует всем качество своих познаний.

– Всё очень просто: – спокойно объяснил настоятель, ничуть не удивляясь и с величайшей серьёзностью. – Епископальный священник находится под крылом своего епископа. Это его непосредственное начальство. Орденский же священник должен в первую очередь подчиняться своему генералу. Он может жить и работать на территории, которой управляет епископ, но его начальство – руководитель ордена, он отвечает за него, принимая на себя и его достижения, и его прегрешения.

– То есть, если священник не подчинён епископу, он может делать что хочет? – Поднял кончик брови Джеф.

– Ни в коем случае.

– Почему? – Тут Николь удивлённо подняла на него глаза и Джеф рассудил, что опять сказал явную глупость.

– Существуют обязанности священника, которые он принимает на себя при своём рукоположении. Священство не только дар, это ещё и ответственность. Если священник принадлежит ордену, к его обязанностям и ответственности добавляется ещё и выполнение устава его ордена.

– Не понял, – искренне озадаченный, заявил Джеф. – С одной стороны священник подчиняется своему генералу...

– Или начальнику ордена, – согласился кивком настоятель. – Не во всех конгрегациях есть генералы.

– С другой стороны, его начальником, пусть второстепенным, является епископ. Какая разница между епископом и генералом или как там, начальником: они что – все еписко-

пы?

– О-о, вижу, вам, друг мой, нужна лекция о структуре католической церкви, – засмеялся настоятель, протянув руку и похлопав Джефа по колену.

Николь засмеялась тоже и Джеф, решил, что вот так, когда она защищена с двух сторон, ей гораздо уютнее. Настроение у него моментально улучшилось.

– Давайте прямо сейчас, если вас не затруднит, – предложил он, отбросив сверлящую мозг мысль о том, как ювелирно ушёл от его первого вопроса настоятель. Хотя, если поразмышлять... Тед сказал, что принадлежит ордену Иисуса. Иезуит. Может так быть, чтобы в одном приходе служили священники из разных орденов? Или нет? Джеф решил пока не прояснять это для себя.

– Принеси-ка, Ники, мне листочек, – попросил настоятель и пока Николь ходила в столовую, отец Вильхельм извлёк из кармана маркер. – Для начала уточню: епископ – руководитель церкви на определённой территории, которую занимает его епархия, со всей полнотой власти. Границы епархий церковь определила во время своего исторического развития, где раньше, где позже. Могу добавить, что новые епархии создаются достаточно редко. Епископа назначает Папа, и он может выбрать епископа из любого ордена и послать служить Господу на любой территории, где лучше всего пригодятся таланты и опыт этого человека. Епископ, при назначении слагает с себя орденские обязанности. Думаю, тут не

нужно объяснять почему?

Ещё бы. Нет в церкви главнее начальника, чем Папа. Николь вернулась так быстро, словно сбегала бегом, подала отцу пару бумажных салфеток. Снова устроилась между ними, бросила по сторонам напряжённые взгляды. Чего она боится, здесь, в гостиной, среди людей?

Джеф посмотрел на неё, не отрываясь, зная, что она всё равно почувствует его взгляд. Она подняла на него глаза, почти чёрные и несколько секунд они смотрели друг на друга. Джеф улыбнулся. Она улыбнулась тоже и её глаза опять чуть посветлели.

Отец Вильхельм тем временем нарисовал синюю пирамиду и сказал:

– Вот, смотрите. Всякая структура сходна с пирамидой: что-то есть внизу и всё венчается вершиной. Мы сейчас не будем ударяться в дебри богословия, а коснёмся только нашей земной части Церкви. Откуда начнём: сверху или снизу?

– Сверху, – предложила Николь.

– Снизу – пробасил издали неприятный пацан.

– Сверху, – из упрямства повторил Джеф.

Настоятель засмеялся:

– Вот вам наглядный пример раскола мнений в гостиной. Уступим давлению большинства? – Он подмигнул бестормозному Райану и снова склонился над салфеткой. – Пусть будет сверху, так как-то привычнее. Пик нашей пирамиды находится в Италии, в Риме. Это Ватикан, центр управления

католической церковью, это все знают, как и главу католической церкви: Папа римский. Напомню – Иоанн Павел II сейчас. Чуть ниже – тут он нарисовал черту под вершиной пирамиды. – Участники Собраниа, на котором выбирают Папу – кардиналы со всех стран мира. Далее следуют уровни католической церкви во всех странах мира: конференция епископов, епархия, деканат, приход, религиозное учреждение.

– Это что значит?

– Религиозное учреждение? – Переспросил отец Вильгельм. – Ну, например, семинария, университет, приют или монастырь – мало ли что это может быть? Вместо такой ступени структуры, как епархия, в тех местах, где епархия только образуется, бывают временные структуры: апостольская администрация. Но подробнее вам, думаю, это Теодор расскажет, попытайте его о разделении епархий в Германии после мировой войны. Для прояснения: у нас архиепархия Святого Томаса, руководит ею Джеймс Алоизиус Хики. А скажите-ка мне, как называется представитель Ватикана в любой стране?

– Апостольский нунций, – сказала Николь.

– Ну и как, сильно непонятно? – Настоятель оглядел их весёлыми глазами, – напоследок скажу вам, как называются должности руководителей католической церкви на разных уровнях: о Папе мы уже знаем, далее президент католических епископов или митрополит в некоторых странах, епископ, декан, настоятель прихода и ректор или директор в ре-

лигиозном учреждении. А вот вопросик на засыпку: может ли совмещаться должность настоятеля и декана?

– Может, наверное? – Полувопросом ответила Николь.

Джеф, нахмурившись, переводил глаза с настоятеля на Николь. Наконец-то в его голове тёмный лес поредел и структура церкви обозначилась. Забавно, всё сложное изнутри просто. Приходы объединены в деканаты, деканаты в епархии, а епархии, объединённые на одной территории получают связанными напрямую с папой. Эта система имеет всего четыре ступени структурной лестницы. Не мудрено, что она исправно работает два века. Государствам, пожалуй, стоило бы поучиться столь разумной административной расстановке.

Отец Вильгельм засмеялся.

– Думаю Джеф сам найдёт ответ на этот вопрос.

Пока они увлечённо разглядывали с Николь салфетку на колене настоятеля, семейство Андерсонов собралось уходить и Том с Мариной отправились проводить их.

Николь постепенно расправляла плечи и Джефу стало легче.

– Что за особенности были с Германией? – Спросил он.

– А-а, любопытно стало? – Отец Вильгельм с улыбкой взглянул на него, засовывая в карман фломастер.

Николь забрала с его колена салфетку.

– Когда образуется новая епархия, её сначала чаще делают временным образованием. Соответственно и епископ там

называется не епископом, а апостольским администратором. Иногда это делается просто по политическим соображениям – мы существуем в миру. В Германии после второй мировой войны произошло прискорбное разделение страны на два государства. Как такое могло быть? Разделились семьи, разорвались связи. И только благодаря внешнему воздействию. Церковь это не просто структура. Церковь: это тело Христова. Она вся едина – разве может отдельно жить голова или нога? Разделили государство – разделили и церковь. Некоторые епархии оказались разорваны надвое. При этом терялась не только возможность управлять епархией: попробуй-ка, поуправляй из-за границы!, терялась целостность тела Христова. Святой престол выразил тогда своё несогласие с подобным разделением. Были и такие политики, которые говорили: ну и что, было одно государство, стало два. Сделайте новые епархии в тех участках, которые оказались без епископов, да и дело с концом. Святой престол на это не пошёл, рассуждая так: у нас уже есть епархии на этой территории. Мы не будем скатываться во времена становления христианства, когда в каждом местечке был свой епископ. Мы образуем временные структуры в тех местах, которые оказались без управления и посмотрим, насколько постоянно такое человеческое разделение. Апостольские администратуры в Германии просуществовали сорок лет. Теперь там всё вернулось на круги своя. За эти сорок лет только четыре, по моему, апостольские администратуры пришлось выделить в

епархии, остальные влились в свои прежние структуры.

– Вот вам пример, как бурно жизнь течет в Европе, – неожиданно вклинился в разговор Том.

Оказывается, он давно стоял рядом и слушал, посмеиваясь. Отец Вильгельм поднял голову и посмотрел на него.

– Ладно, – сказал он, улыбаясь. – Так и быть. Расскажу вам анекдот на тему, как опасно ездить в Европу. Был у одного еврея сын и отправил его отец учиться в Европу. Возвращается сын через некоторое время домой и говорит, прости отец, я стал католиком. Отец в печали пошёл в синагогу, сидит и молится: "Господи, у меня такое горе!" – подходит к нему раввин и говорит: "Утешься, разве ты не знаешь, что случилось с сыном Господа?"

Все засмеялись. Джеф с удивлением приглядывался к священнику. С этой стороны он ещё его не наблюдал.

– Ты понял Джеф? – Спросил Том. – Не ездь в Европу, а то католиком станешь.

– Он им и здесь станет, – смеясь, ответил отец Вильгельм. И неожиданно изрядно удивил Джефа, добавив: – у него крещение назначено на Рождество.

– Ух, – изумился Джеф, посмотрев на настоятеля.

– Да!?! – изумилась Марина, посмотрев на Николь.

Николь улыбалась. Кажется, это её маленькая победа. Знает, что Джеф креститься собрался. Ещё когда Ники продемонстрировала свой интерес к его персоне, а потом он впервые появился в их доме, Марина не сомневалась: он

придёт и в церковь. Такие встречи просто так не происходят. Но так быстро! Видимо, Джеф уже был внутренне готов принять веру. Людей новообращенных часто пугает неприкрытая откровенность веры. Смущают незнакомые слова: катехизация, литургия. Всё тебе преподносится так оголénно. Эмоции, чувства, величие Господа и его милость. Часто это просто отпугивает, лишая привычной зоны комфорта, столь культивируемой людьми вокруг себя. Кажется, так сложно произнести: "Господь и Бог мой". Признать Его главным в своей жизни, примириться с Его первенством во всём. В современном мире, дающем так много возможностей человеку, очень трудно поверить в немощность человека, в тщету его самостоятельных усилий, без Бога, в невозможность изменить собственную жизнь. Джеф казался весьма самодостаточным и критичным, и Марина была действительно искренне удивлена его решением.

– Вам тут весело шутки шутить, а у меня утром работа, – сказал отец Вильгельм поднимаясь.

Том чуть отступил, давая ему дорогу. Джеф встал следом, что ему ещё оставалось? Все вместе вышли проводить настоятеля. Он поинтересовался, принимая из рук Тома пальто:

– Как вам нравятся моральная теология, преподносимая отцом Теодором, Джеф?

– Очень необычно, – задумчиво сказал Джеф. – Не ожидал ничего подобного. У меня ощущение, что я встал однажды утром и забыл открыть глаза. Так и шёл по всей жизни.

Там преподносится очевидное, то, что знакомо из собственного опыта и, вместе с тем, подаётся под другим углом зрения.

– О чём это вы? Пример, если не трудно, – чуть склоняя голову, поинтересовался отец Вильгельм.

– Пример? – На лбу Джефа нарисовались произвольные морщины, – Так сразу... я говорю о "седьмой главе". Увидеть свои грехи, свои постыдные поступки, свой позор и свои обиды и отдать их Господу. Напоминает психоанализ, только мягче.

– О, понимаю, вы имеете в виду книгу отца Августина Пеляновского. – Он, улыбаясь похлопал Джефа по плечу, – хорошая вещь, но, однако поосторожнее с ней. Поосторожнее.

– Ну, в депрессию я вряд ли впаду, – усмехнулся Джеф. – Однако сама мысль, что человек может отдать Богу свою седьмую главу, пожертвовать, как Иисус пожертвовал, свой позор, и боль, и страх, и обиды...

– Что? Показалась поразительной? – Лукаво засмеялся отец.

– И да, и нет. – Джеф потёр лоб. – Я же всегда знал это! Но теперь всё как-то в новом свете предстаёт.

Настоятель покачал головой, рассматривая его. Застегнул верхнюю пуговицу, одновременно покопался в кармане, говоря:

– Неплохо, неплохо. А для вас отец Пеляновский, видимо, не опасен. Думайте, молодой человек, ваши размышления

вселяют в меня большие надежды. Иди сюда, Ники, я тебя обниму. – И отец Вильхельм подмигнул Джефу.

Прощаясь с Мариной и Томом, он пожал им руки и вышел вместе с Томом: Том позвонил своему шофёру.

– Пожалуй, мне тоже пора, – осторожно сказал Джеф.

После ухода настоятеля неожиданно ему стало грустно. Только присутствие Николь утешало.

– Вы меня удивили, – призналась ему Марина. – Я не ожидала, что вы собираетесь креститься. Можно узнать: вы выбрали крёстного?

– Нет, – качнул головой Джеф. – В основном мои друзья протестанты, а мне объяснили, что крёстный отвечает за духовное воспитание своего крестника. И поэтому, если крестится мужчина, желательно, что бы его крёстный был католиком, второй свидетель может быть кем угодно, но только чтобы был христианин. А если крестится женщина или девушка, то её крёстная должна быть католичка.

– Всё правильно: как вы будете изучать основы веры с крёстными-мусульманами?

– Упаси меня Бог! – Искренне сказал Джеф.

Марина засмеялась.

– Каждому – своё. Скажите честно, Джеф, это вам Ники дельный совет дала, окреститься?

Николь не вступала в их разговор и только переводила глаза с Джефа на Марину. Когда она услышала последний вопрос Марины, зажала рот рукой, явно фыркая от смеха.

Джеф, глядя на неё, чуть улыбнулся.

– Не знаю, как насчёт дельного совета, но без Николь тут и правда не обошлось. Честно говоря, я и сам не знаю, почему мне пришло в голову, что мне стоит окреститься. Вы дали мне тему для размышлений.

– Не для размышлений, а для испытания совести, – показала указательным пальцем, всё же смеясь, Марина.

В машине Джеф задумался. А действительно? Не будь Николь – он в жизни, наверное, бы в церковь не пошёл. Со своим-то мировоззрением. Домой ехать не хотелось. Он кружил и кружил по улицам, поглядывая на остающиеся всё время справа парк, школу Николь, особняки. Что-то тревожило его, заставляя изредка бросать короткий взгляд на звёздное небо над головой, пригибаясь к рулю. Странное состояние, нервное, даже какое-то лихорадочное, его самого удивляло. Такой спокойный разговор с отцом, только этот Райан подпортил настроение.

Джеф попытался прислушаться к самому себе. Его потряхивало, как при температуре. Никакого жара, никаких неприятных ощущений, но, родившись, дрожь не отступала. Перед глазами стояла Николь. Как она сегодня разительно переменялась, только зашла в гостиную своего дома! Джеф поёжился, пытаясь расслабиться. Неужели он так психует от предвкушения крещения? Мысленно он посмеялся над собой: "что сил нет оторваться от Ники?" Заставил себя свернуть на автостраду в Арлингтон.

Когда Марина освободилась от всех неотложных дел по уборке и вернулась в гостиную, она была поражена: взбешённый Том нависал над перепуганной Ники. Опершись руками в подлокотники кресла для устойчивости, в котором, как мышонок сидела сжавшаяся Николь, вопрошал, явно продолжая разговор с ней:

– Тогда какого чёрта он тебя привозит поздним вечером? Где ты с ним шляешься? Я же тебе говорил, чтобы ты не таскалась к нему!

– Что происходит? – Спросила Марина растерянно.

Ну вот, закончился хороший вечер.

– Не лезь не в своё дело! – Бросил Том, чуть повернувшись, чтобы взглянуть на неё.

Николь, воспользовавшись тем, что он на миг отвернулся, ловко поднырнула под его руки и кинулась бегом по лестнице к себе.

– Куда!?! – Том бросился за ней, вконец разозлясь и вытягивая ремень из брюк.

Марина ахнула, побежала следом. Как всегда, последняя, как всегда под завязку разборки. Том успел вытянуть пару раз Николь по спине, на что она, задохнувшись, даже не вскрикнула. Только схватилась за бок: пряжка попала так больно, что терпеть почти не было сил. Упала от ударов на кровать, но, побоявшись, что это очень удобная поза для битья, преодолевая боль скатилась с кровати с другой стороны.

Забилась в угол возле шкафа: уж лучше видеть направление удара, может, удастся уклониться.

Внутри неё всё дрожало.

– Как мне надоела вся эта дрянь! – Бушевал Том, сметая рукой все её старательные нагромождённости с полки над столом.

Разбиваясь, блюда, вазочки и банки разлетались во всех направлениях разноцветными брызгами: от увлечения росписью посуды осталась горка мусора. Николь только прикрыла голову руками, защищаясь от осколков, но они отскакивали невысоко от пола и острыми иголочками кололи ноги. Она на миг пожалела надетую снова мамину юбку, лучше бы она была в своих джинсах. Угол багета от упавшей картины угодил в монитор, оставив после себя зазубрину на экране. Хоть не лопнул, и то ладно.

Том добрался до папок с рисунками и чуть не взвыл от злости, увидев лицо Джефа. Черно-белый вариант. Это было последней каплей. Николь вскочила, забыв обо всём, едва он взялся за папку. Рисунки превращались в клочки. Рвать их было трудно, но Том старался, выплескивая свою злость, отталкивая локтями руки Марины и не слыша её воплей "Перестань!". Уж лучше уничтожить бумагу, чем ещё побить Ники: он не был уверен, что сможет вовремя остановиться. Когда заболели ладони от усилий, он швырнул то, что осталось на пол и сказал:

– Попробуй только здесь не убери. Тогда точно выпорю, –

повернулся, наткнувшись на Марину и вытолкнул её за дверь.

Ну их, этих баб, будут тут вместе реветь, вынашивая ему планы мести. Марина тоже хороша, вечно этому прохвосту подсуживает.

– Шагай-шагай давай, – сказал он, медленно остывая и нетерпеливо выпихивая её из комнаты к лестнице, в ответ на попытки увернуться и пойти назад.

– Я нужна Ники, – воскликнула Марина.

– Ты нужна своему мужу, – сердито ответил Том, наладив ей тычок посильнее и вытолкнув в коридор. Ещё спорит, надо же!

Николь медленно сползла по дверце шкафа, болезненно задевая тканью за отметины на спине. Несколько секунд сидела не двигаясь, прижавшись к холодной мебели гладкости, сотрясаемая дрожью, глядя прямо перед собой. Никогда, никогда она ему этого не простит! Болел бок, но ещё сильнее болела душа. Вот и конец. А она -то думала, что делать с этими стопками тарелок. Раздарить по отдельности или целиком? Их, оказывается, надо было разбить! Потом словно очнулась. Кинулась к дверям, наступая на осколки – да, зря она внизу разулась. Закрыла на замок. По крайней мере, если он вернётся, ему придётся сначала выломать эту дверь, а за это время можно выпрыгнуть из окна.

Обессиленно опустилась на пол. Спина и бок болели просто нестерпимо. Посечённые осколками колготки кое-где прилипли от крови к коже. Если пойти и пройти обследова-

ние в полиции, а потом заявить на отца, то у него будет куча неприятностей. Её передадут кому-нибудь и неизвестно сможет ли она тогда видеть Джефа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.